

**Научная ассоциация
исследователей культуры**

А.Я.ФЛИЕР

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГОВ

**Учебное пособие для магистрантов, аспирантов
и соискателей**

3-е издание, переработанное и дополненное

Москва 2015

Андрей Яковлевич Флиер

Культурология для культурологов. Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18665233

*Культурология для культурологов. Учебное пособие для магистрантов,
аспирантов и соискателей: Согласие; Москва; 2015
ISBN 978-5-906709-30-1*

Аннотация

Бурное развитие культурологии в последние годы вызвало к жизни целую плеяду работников культуры, науки, образования и в том числе магистрантов, аспирантов и соискателей-культурологов, не имеющих систематического культурологического образования. Предлагаемое издание призвано в какой-то мере помочь этим специалистам разобраться в сложных проблемах современной культурологической науки, систематизировать свои взгляды в избранной области, освоить основной категориально-понятийный аппарат культурологии, ее специфическую терминологию, а также познакомиться

с наиболее типичными жанрами культурологических сочинений, освоиться в их специфике и проблематике.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Познавательные цели и структура культурологии	10
Что такое культурология?	10
Краткая история культурологии в России	31
Культура и история: потребность в переживании социального опыта	41
Культурология как наука: проблемы систематизации социального опыта коллективной жизни людей	53
1. Статус культурологии и ее место среди наук. Цели, предмет и структура культурологического знания	53
2. Уровни научного обобщения в культурологическом знании	72
3. Фундаментальная культурология	80
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Андрей Флиер
Культурология
для культурологов. Учебное
пособие для магистрантов,
аспирантов и соискателей

© А. Я. Флиер, 2015.

© ООО Издательство «Согласие», 2015.

© Стулов С. А., оформление, 2015.

* * *

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга по своему жанру, безусловно, относится к категории учебных пособий. Но это весьма необычное пособие, оно рассчитано не на людей, изучающих культурологию как специальность или как общеобразовательную дисциплину (студентов, школьников, учащихся средних специальных заведений), а на специалистов, повышающих профессиональную квалификацию (магистрантов, аспирантов, соискателей), пишущих диссертационные работы по культурологии. Поэтому данное пособие лишено традиционных атрибутов учебника – контрольных вопросов и инструментария самопроверки, не разбито на короткие тематические разделы и т. п. Это пособие для тех, кто стремится заниматься практической исследовательской работой на ниве культурологии, но еще не вполне разобрался, в чем ее научная и понятийная специфика.

Разумеется, пособие не претендует на роль компендиума всего специального культурологического знания. Целью и суммой задач данной книги является совсем иное: введение молодых ученых в культурологию как в познавательную систему, в тенденцию интеллектуального осмысления социальных процессов, в специфический комплекс понятийно-категориального мышления, а также в основы культурологического понимания и переживания действительности.

Еще одной важной характеристикой книги является то, что ее автор – историк по базовому образованию. Поэтому пособие представляет собой специфическую попытку увидеть теорию и социологию культуры «глазами историка», осмыслить ее в динамике исторического развития человечества. С этим связано и то, что в тексте уделено меньше внимания проблемам философии, семиотики, психологии и другим направлениям изучения культуры.

Пособие не преследует цель систематически обучить читателя всему комплексу исследовательских методологий и методов культурологии, хотя имплицитно это знание «разлито» по всему тексту книги. Оно обучает тому, в чем заключается собственно культурологический взгляд на вещи, события, поступки, стереотипы сознания и поведения людей и прочее и чем этот взгляд отличается от подходов философских, социологических, лингвистических. Иначе говоря, пособие помогает читателю овладеть характерным набором критериев научного исследования, на основании которых его грядущая работа может быть (обязана быть) квалифицирована в качестве культурологической.

Этими задачами обусловлена и специфическая структура пособия. Книга состоит из трех автономных частей, не требующих сквозного прочтения (от первой до последней страницы разом).

Первая часть включает пять глав, представляющих собой систематическое изложение авторских взглядов на основные

проблемные поля культурологического знания, которые, пожалуй, имеет смысл читать как целостный текст.

Вторая часть представляет собой Тезаурус – словарь-справочник, в котором уже изложенные систематические взгляды автора скомпонованы по другому принципу – в виде отдельных небольших статей по основным понятиям и категориям культурологии, как это принято в словарях. Обращаю внимание на то, что понятия в Тезаурусе выстроены не по алфавиту, а по проблемным полям. Те понятия, которые следуют за выделенным понятием, являются составными частями выделенного. Поэтому читателя не должно смущать неизбежное дублирование в формулировках некоторых терминов по отношению к первой и третьей частям, поскольку Тезаурус – это понятийно-категориальный словарь, и к нему обращаются со специфическими целями – найти необходимое объяснение того или иного понятия.

Третья часть решает совсем другие задачи: раскрыть перед молодым специалистом широкую палитру содержательных и жанровых возможностей культурологии, бесконечное многообразие объектов – исторических, социологических, политических и других, – которые могут стать предметом культурологического исследования и продемонстрировать, как это делается в формах теоретической или социологической статьи, аудиторной лекции, историко-фактологического исследования, теоретико-концептуального моделирования, футурологического прогноза и т. п.

Первое издание настоящей книги вышло в 2000 году в издательстве «Академический проект» и допечатывалось в 2002 и 2003 годах. За прошедшие годы автору приходилось слышать от коллег, что это учебное пособие является одним из наиболее понятных для студентов. Вместе с тем высказывались замечания и пожелания по доработке. С учетом этих замечаний и пожеланий было подготовлено второе издание, переработанное и дополненное. В нем часть 1 подверглась новому редактированию и дополнению, часть 2 – существенному расширению, а часть 3 – почти полной перекомпоновке на базе новых материалов. Автор выражает огромную благодарность всем, кто помог в этой работе своими советами, замечаниями и пожеланиями.

Часть 1. Познавательные цели и структура культурологии

Что такое культурология?

Для того чтобы более или менее адекватно представить себе, что же изучает культурология, необходимо познакомиться с современными научными представлениями о культуре.

Жизнь людей сочетает в себе биологические процессы, происходящие в их организмах, с двигательной и умственной активностью, направленной на взаимодействие с внешней средой. Целеориентированная активность (преследующая осознаваемые человеком цели) называется деятельностью. В конечном счете, любая деятельность инициируется теми или иными интересами и потребностями человека и направлена на их удовлетворение. Но люди живут не по одиночке, а коллективами (сообществами). И удовлетворение интересов и потребностей одного члена коллектива в принципе не должно нарушать интересы и мешать удовлетворению потребностей другого. Иначе совместное сосуществование людей окажется практически невозможным. Решая эту проблему, люди постепенно вырабатывают сложную систему

«правил игры» – совокупность таких способов удовлетворения своих индивидуальных и групповых интересов и потребностей, которые являются социально приемлемыми и допустимыми по своей социальной цене и последствиям. Подобные «правила игры» (или, точнее, правила коллективного общежития и взаимодействия) стимулируют социальную интеграцию членов сообщества и не наносят вреда их социальной консолидированности, снимают накапливающиеся противоречия и напряжения в их совместном бытии, а по возможности и повышают уровень их солидарности, взаимопонимания и взаимосогласованности в деятельности. Эта система «правил игры», или «социальных конвенций» (стихийно достигаемых соглашений о порядке совместного существования и взаимодействия людей), и называется культурой.

Помимо того, та степень упорядоченности мира, которая естественным образом осуществляется природой, оказывается недостаточной для человека. И начиная с периода верхнего палеолита, человек приступил к работе по искусственному упорядочению мира, познанию его и упорядочению своих знаний и миропредставлений. На основании этих искусственных порядков складывались и эволюционировали межчеловеческие отношения, происходила социальная организация людей в устойчивые коллективы и регуляция взаимодействия людей в них. В конечном счете, эти искусственные порядки в деятельности и сознании и стали основными

«правилами игры». То есть культура – это определенный порядок в сознании и поведении человека.

Но в процессе своей жизнедеятельности человек накапливает и социальный опыт. Этот опыт является своеобразным сепаратором тех «правил игры», по которым живет данное общество. Те «правила», которые оказываются наиболее эффективными, универсальными, приемлемыми по своей социальной цене и последствиям, закрепляются в памяти в виде традиций, обычаев, нравов, а со временем и законов. С этих позиций культура – это коллективная память о наиболее эффективных компонентах стратегии выживания, выработанной данным народом за его историю.

Описанные основания совместного бытия людей реально воплощаются во множестве разнообразных проявлений. Это искусственная материально-пространственная среда человеческого существования, «второй мир», создаваемый людьми в дополнение к первому – естественному – и насыщенный материальными и информационными продуктами человеческой деятельности. Это мотивация и формы поведения и взаимодействия людей между собой. Это рациональные знания об окружающем мире и образы собственной фантазии, реализуемые людьми в различных интеллектуальных текстах или художественных произведениях, и т. п. И все это осуществляется не любыми способами, а более или менее нормированными, социально допустимыми, отобранными на основании длительного социального опыта существова-

ния данного сообщества. Разумеется, далеко не все и не всегда делается в полном соответствии с этими эталонными образцами и требованиями. По тем или иным причинам люди, удовлетворяющие свои интересы и потребности, нарушают сложившиеся «социальные конвенции» – такое поведение обычно называется «антисоциальным» и подвергается различным санкциям со стороны сообщества (от морального неодобрения до крайних форм насилия). Таким образом, в культуре цель никогда не оправдывает средства. Средства являются допустимыми, только если они культурно санкционированы (законами, религией, традициями, обычаями, господствующей моралью и т. п.).

Культура всякого сообщества складывается постепенно по мере накопления социального опыта совместной жизни и деятельности, под влиянием специфических условий места и исторической судьбы коллектива, чем обуславливается региональное и историческое своеобразие культуры того или иного народа. Ее основные функции связаны с решением задач по социальной организации людей в их коллективной жизнедеятельности, регуляции форм этой жизнедеятельности, практической и психологической адаптации людей в реально складывающихся условиях их существования, коммуницирования (обмена информацией) между членами сообщества, а также с работой механизмов социального воспроизводства общества и личности, т. е. трансляции следующим поколениям социального опыта совместно-

го сосуществования данного коллектива (народа, социальной группы и т. п.). Таким образом, основными результатами (продуктами) культурных процессов являются выработка и внедрение в сознание людей норм социальной адекватности жизни в данном коллективе и допустимых способов осуществления тех или иных практических или символических действий, отражающих социальный опыт данного сообщества, его исторически сложившиеся организационно-регулятивные формы, межпоколенное наследование этих традиционных форм и норм, а также их постепенная изменчивость и обновление.

Этот описанный срез относится к области социальных реалий культуры, т. е. к сфере организационной практики социального бытия, регулируемой такими подсистемами, как хозяйственная, политическая и правовая, функционирующими, разумеется, не только как специализированные отрасли деятельности, но и на уровне повседневной жизни в виде обычаев, нравов, морали и пр.

Однако люди не только механически выполняют предписанные им нормы социального общежития и поведения, но и осмысливают их, интерпретируют, систематизируют, спорят о способах их применения, переживают их или случаи их нарушения и т. п. Эти задачи решаются в рамках процессов познания, осмысления и накопления социально значимой информации, происходящих в областях философии, религии, науки и искусства, также функционирующих

как на специализированном, так и на обыденном уровнях. Этот срез можно условно назвать культурой интеллектуальных рефлексий и образных интерпретаций все тех же «правил игры» коллективного существования человека. Основным продуктом, вырабатываемым этими подсистемами, являются «культурные тексты», аккумулирующие в себе теоретически обобщенный и проинтерпретированный отдельными авторами социальный опыт и выражающие его в таких феноменах, как социальные ценности и идеалы. Ценности – это по существу все те же нормы социальной адекватности, но трансформированные в образы социальной престижности, причастность к которым открывает человеку доступ к большему объему и лучшему качеству различных социальных благ (то есть средств удовлетворения интересов и потребностей, о которых речь шла с самого начала). Культура интеллектуальных рефлексий прежде всего формирует и представляет эталонные образцы такого рода ценностей, типов нормативного поведения, этических принципов, нравственных идеалов и других социально предпочитаемых способов осуществления жизнедеятельности, связанных с задачами удовлетворения человеком своих материальных, интеллектуальных, эмоциональных, властно-распорядительных, психико-компенсаторных, статусных и иных социальных притязаний.

И, наконец, третий срез культуры включает в себя подсистемы социальной коммуникации и трансляции социально-

го опыта от поколения к поколению (т. е. воспроизводства общества как социокультурной целостности и личности человека как адекватного члена этой целостности). Сюда относятся вербальные (словесные) и невербальные языки, системы письменности и книгоиздания, институты образования и воспитания, художественная культура, средства массовой информации, а также ряд подсистем, с помощью которых осуществляются накопление, хранение и распространение социально значимых знаний и «культурной памяти» сообщества (архивы, библиотеки, музеи, клубы и другие организации просвещения). Последние играют большую роль в процессах «окультуривания» человека, становления его как личности, как члена того или иного культурного сообщества; вне этого личности не бывает, а человек вырастает просто биологическим индивидом. В этом блоке, как правило, не создаются собственные «культурные тексты» общесоциального значения, а лишь реализуются технологии внедрения такого рода «текстов» в сознание человека.

Существенная часть культурных процессов происходит в сообществах более или менее стихийно в рамках обыденной коллективной жизни людей. Вместе с тем многие такие процессы организуются и регулируются сообществом целенаправленно. Инструментами такой организации и регуляции являются социальные институты – специализированные структуры (государственные, общественные, частные), занимающиеся производством вышеуказанных «культурных

текстов», их внедрением в сознание людей, а также практическим регулированием их жизнедеятельности в соответствии с ценностными нормами принятых в данном сообществе «социальных конвенций». Эта социокультурная регуляция охватывает по существу все стороны жизни сообществ, и в ней принято выделять специализированные институты общеэкономической, общеполитической и общеправовой сфер, а также некоторые иные, более частные. Те же институты, которые производят собственно «культурные тексты» и осуществляют регуляцию в сферах интеллектуальной и духовной жизни – в религии, искусстве, образовании, информации и других, относящихся к областям познания и коммуницирования, накопления и трансляции опыта в его наиболее общих социальных параметрах, принято называть культурными институтами (в узком смысле слова «культурный»). Комплекс приемов и принципов управления культурными институтами со стороны государства и общества называется культурной политикой. Что же касается той части культурных норм, которые функционируют не в институциональной, а в повседневной жизни, то их регулятором являются культурные традиции, нравы и обычаи, исторически сложившиеся в данном сообществе. Иначе говоря, совокупность традиций, нравов и обычаев – это и есть культурная политика общества по отношению к его членам, только реализуемая не в институциональной, а в обыденной сфере социального бытия.

Однако все сказанное относится главным образом к социальному (т. е. групповому, коллективному) аспекту существования культуры. Но фактическим субъектом культурных процессов всегда является человек, который ведет себя не только как пассивный «продукт окультуривания», то есть механический исполнитель усвоенных им культурных образцов и норм, но и как их активный интерпретатор. Человек творчески развивает культурные образцы и нормы, порождает новые культурные формы и т. п. Именно в процессе такого рода интерпретаторской и инновационной практики и происходят изменения в культуре – от самых микроскопических до общей исторической эволюции. Причины подобной вариативности в исполнении культурных предписаний многообразны, но наиболее распространенной является потребность в адаптации – приспособлении человека к складывающимся природным и социальным (историческим) обстоятельствам, в которых ему приходится действовать. В целях поддержания комфортного существования (и особенно состояния психологической комфортности) человек должен все время упорядочивать свои связи с окружением, приспосабливать усвоенные им культурные нормы и идеалы к меняющимся условиям их применения. Такого рода гибкость, пластичность человеческой психики, способность к сочетанию жестких нормативных установок культурной традиции с их вариативно-творческим исполнением, видимо, являются необходимыми условиями психологического выживания

человека в мире. С этой точки зрения культура представляет собой совокупность приобретенных в процессе социализации индивида психологических черт личности (в отличие от психических свойств, унаследованных им генетически). Таким образом, культура – это еще и главная «связующая нить» между личностью и ее социальным окружением, способ существования человека в обществе и мире.

Помимо внутренней структуры (связанной с разделением социальных функций между людьми, складывающимся в ходе их совместной жизни), культура обладает еще и имманентной динамикой. Эта динамика выражается, во-первых, в порождении новых социокультурных явлений (феноменов), изменчивости (развитии, росте, деградации и т. п.) по ходу времени уже имеющихся, а также отмирании (или изменении значения, смысла, символической нагрузки) тех, что утратили свою социальную актуальность. Во-вторых, во взаимодействии культурных феноменов между собой в процессах их функционирования. В-третьих, культурная динамика проявляется в процессах объединения отдельных культурных явлений в системные (то есть организованные, иерархизированные и т. п.) целостности и их функционировании и взаимодействии уже в качестве частей этого системного целого, а также в развитии или деградации и распаде этих культурных объединений (конфигураций). Традиционно принято делить культурную динамику на социальную, в ходе которой меняются по преимуществу лишь остроак-

туальные формы (продукты) социокультурного бытия человека, и историческую, в ходе которой меняются сами технологии (способы) осуществления социальной жизнедеятельности сообществ, принципы их коллективной организации и регуляции, познания и коммуникации. При этом прежние институты социального воспроизводства общества оттесняются в область приватного бытия, а их место занимают совершенно новые институты и способы трансляции социального опыта.

Все эти проблемы изучаются многими социальными и гуманитарными науками, а вопросами наиболее общего, универсального характера – формирования, существования и изменчивости культуры как целостного явления – занимается специальная отрасль знания – культурология. В отличие от социологии, изучающей наиболее общие формы коллективного существования людей, психологии, изучающей мотивацию их поведения, а также этнологии, изучающей национальные особенности их обыденного бытия, культурология исследует прежде всего культурное содержание (т. е. ценностно-смысловое) социальной жизни человека, тексты, в которых это содержание воплощается, и соответственно языки (как вербальные, так и невербальные), на которых это содержание передается от индивида к индивиду, от поколения к поколению. Культурология в целом является интегративной междисциплинарной областью знания; по некоторым определениям – интеллектуальной тенденцией позна-

ния культуры не только как предметной области, но и в значительной мере как проблемного поля смыслов коллективного человеческого существования.

Все проблемные области, рассмотренные выше, в той или иной мере относятся к сфере теории культуры. Но поскольку все явления, изучаемые культурологией, имеют какое-то историческое происхождение и, как правило, подвержены историческим изменениям, в недрах культурологической науки складывается особое направление исследований, которое концентрируется именно на проблемах исторической динамики культуры, происхождения культурных феноменов, изменчивости фундаментальных принципов и технологий организации и осуществления социальной жизнедеятельности сообществ. Это направление получило название исторической культурологии.

Основная познавательная цель культурологии может быть определена как стремление увидеть и описать как прошлое и настоящее, так и вневременную сущность человеческой цивилизации как историю и сущность социальных норм коллективного человеческого бытия – форм социальной организации и регуляции локальных сообществ, образов их жизни, структуры и смысловых акцентов картин мира, стереотипов сознания и поведения людей минувших эпох и современности и т. п., в отличие от «классической» истории культуры, писавшейся преимущественно как история шедевров – уникальных творений человеческого гения, всегда являвшихся

более или менее очевидными исключениями из массовых и типичных норм и образцов культуры эпохи.

Это не значит, что культурология уклоняется от исследования процессов интеллектуального и художественного творчества. Но и при исследовании произведений искусства, философских или религиозных текстов культуролога интересуют прежде всего источники социального заказа на эти произведения, их культурный контекст, степень идеологической ангажированности, общепринятые в то время нормы исполнения подобной деятельности, какие смыслы вкладывались в эти формы и на каких символических языках они выражались, каковы были допустимые границы интерпретаций канонических образцов, критерии оценки результатов, масштабы культурного влияния данных произведений и т. п. Культурология видит в событиях и продуктах социально-исторического бытия (включая художественные и иные произведения) прежде всего процессы и результаты реализации интересов и потребностей людей – жизнеобеспечивающих, жизнеохранных, познавательных, властных, сексуальных, психоадаптивных, престижно-статусных и пр. Некоторые из этих интересов существуют в индивидуализированной форме (как потребность в социальной самореализации личности), другие – в групповой. Реализация групповых интересов, как правило, связана с более или менее стихийными процессами самоорганизации людей в устойчивые коллективы и выработки ими способов и правил коллективного вза-

имодействия и взаимопонимания.

Но этого оказывается мало. Культура в абсолютно «замороженном» состоянии (гомеостазе со средой) может существовать только в экстремальных природно-географических условиях (приарктических или экваториальных зонах, высокогорных районах и т. п.). В более спокойных условиях и обстоятельствах жизни «социальные конвенции» совместного бытия создаются сообществами «не навсегда». Каждому новому поколению приходится с большей или меньшей радикальностью переосмысливать, обновлять, развивать или, по крайней мере, творчески реинтерпретировать их, вырабатывать новые эталонные образцы – «культурные тексты» (в религии, философии, искусстве, общественном сознании) и реализовывать их в уже новых исторических условиях существования, переводить их на новые более актуальные языки и коды культуры и транслировать следующим поколениям в постоянно обновляемом виде. А главное – производить все эти трансформации, сохраняя более или менее выраженную лояльность к историческому опыту и традициям своих предков.

Разумеется, степень радикальности такого рода трансформаций зависит от уровня развития общества и доминирующего вектора его существования: модернизационного или традиционного. Однако абсолютно «застывшие» в своей традиционности или, напротив, тотально отказывающиеся от своего культурного наследия культуры практически

не встречаются.

Кажется, что традиционность и ее активная изменчивость – это взаимоисключающие установки. Но, как свидетельствует история, иным образом устойчивая коллективная жизнь у людей не получается. Это вечное противоречие между опытом «отцов» и новыми актуальными необходимостями «детей», разрешаемое в очень трудных творческих исканиях человеческого разума, в логически почти необъяснимых своими неожиданными поворотами и импровизациями эмоциях, интуициях человеческого таланта, в явных адаптивных решениях и скрытых имманентных коллизиях соперничества и компромиссов между разными ценностными установками тех или иных социальных групп – это и есть культура или, по крайней мере, то, что мы понимаем в качестве «живой культуры».

В заключение следует сказать, что культурология – это наука, изучающая не всю культуру во всех ее мыслимых аспектах, а только один, но наиважнейший аспект – ее социальную опосредованность, ее детерминированность коллективным характером жизнедеятельности людей и то, как она обеспечивает этот коллективный способ существования. А всю культуру в состоянии изучить лишь вся совокупность гуманитарных и социальных наук. И каждая из этих наук стремится ответить на свои специфичные вопросы. Например, история – на вопросы «что» и «когда» было в прошлом и происходит в настоящем (ведь и то, что произошло пять

минут назад, – это уже история). Археология отвечает преимущественно на вопросы «как», «каким способом», «с помощью каких технологий» все это осуществлялось (строился этот храм или замешивалась глина для этих горшков) и осуществляется сейчас (археология не только аналитически реконструирует прошлое на основании его материальных следов, но должна уметь делать это и по отношению к настоящему). На эти же вопросы отвечают искусствоведение, литературоведение и другие «...ведения», представляющие собой по существу частные «археологии» разных отраслей художественной деятельности. Но это вопросы про «как» только в его материально-, интеллектуально- или художественно-технологическом смысле. Проблемы социальных технологий (форм социальных взаимодействий) при этом не затрагиваются.

А вот культурология отвечает на вопросы «почему (по какой причине)» или «зачем (с какой целью)» имеют/имели место какие-то культурные процессы, «как» они осуществляются (в социально-организационном смысле), а также «к чему все это ведет». Причем главным в этих вопросах является их устойчивый социальный ракурс: на основании каких социальных причин или с какими социальными целями протекает эта культурная динамика, с помощью каких социальных технологий и организационных форм она реализуется и к каким социально значимым последствиям она приводит. По этому признаку используемые в культурологии ме-

тодологии познания можно разделить на группу «абсолютно культурологических», в равной мере отвечающих на вопросы «почему/зачем», «как» (в социальном смысле) и «к чему это ведет», и «относительно культурологических», отвечающих только на вопросы «как» и «к чему это ведет».

К группе «абсолютно культурологических» относятся:

– *эволюционизм*, объясняющий причины культурной динамики («почему») в основном потребностью общества в адаптации к меняющимся условиям его бытия (внешним и внутренним), а способ осуществления этой динамики («как») – естественным отбором форм и технологий деятельности и взаимодействия, оказавшихся наиболее социально эффективными в новых условиях (аналогично естественному отбору наиболее удачных морфологических признаков в биологической эволюции). Это приводит к последовательному усложнению социокультурных систем, движению от более простых форм и типов взаимодействий к более сложным. История мыслится как процесс поэтапного усложнения структуры и функций социальных систем;

– *функционализм*, определяющий цели культурной динамики («зачем») необходимостью в удовлетворении развивающихся интересов и потребностей людей с помощью все новых и новых средств, способ («как») – постоянно совершенствуемой организацией работников в различные функциональные структуры (деятельностные институты), а результат – постепенным возрастанием уровня профессиональной

специализированности в формах деятельности людей. История преподносится как процесс неуклонного возрастания уровней дифференцированности и специализированности в деятельности разных профессиональных групп, чем обеспечивается рост эффективности в работе и ускорение динамики социально-экономического прогресса в целом;

– *структурализм*, объясняющий цели культурных изменений («зачем») потребностью в упорядочивании и повышении эффективности социальных взаимодействий между людьми, а способ («как») – упорядочиванием языка, понятийного аппарата, на котором строятся эти взаимодействия (формирование смысловых соотнесений, понятийных бинарных оппозиций и пр.). Это в результате ведет к диверсификации (расчленению на многие параллельные каналы) смыслового потока социальных взаимодействий (его переориентации с более общих, идеологических оснований на более дробные, технологические), который структурируется на базе все более узко специализированных понятий, текстов, дискурсов. А сами понятия при этом постоянно верифицируются и уточняются. История понимается как процесс непрерывного уточнения понятий и текстов, описывающих и символизирующих социальное бытие, что ведет к повышению социальной эффективности основанных на этой понятийной базе взаимопониманий и взаимодействий;

– *постмодернизм*, дающий на «почему» и «как» один универсальный ответ: по причине и в режиме постоянной

борьбы между тенденциями упорядочивания организационного устройства бытия и интеллектуальных представлений о нем, осуществляемых в интересах общества (социальный контекст), и интенциями индивидуального преодоления этого порядка (творчество – текст). Имеет место постоянный конфликт между культурной формой, как нормой (традицией), и культурным артефактом, как ее частной интерпретацией. В этой борьбе в исторических масштабах времени, как правило, традиция терпит поражение, а побеждает интерпретация, что в результате ведет к неуклонному возрастанию уровня социальной и интеллектуальной свободы людей на всех последовательных стадиях социальной эволюции. История осмысливается как векторно-ориентированный процесс преодоления традиции, расширения пространства свободы и возрастания степеней интеллектуальной и социальной независимости личности. Промежуточное положение между структурализмом и постмодернизмом занимает *постструктурализм*, который уже выходит на понимание извечной борьбы текста с контекстом на уровне культурных смыслов, но еще не выводит это на уровень непосредственных социальных отношений.

Вторую группу «относительно культурологических» методологий, отвечающих только на вопросы «как» и «к чему это ведет», составляют:

– *цивилизационизм*, понимающий процессы культурной динамики как процедуры кумулятивного накопления специ-

фических местных культурных черт, что приводит ко все большей локализации культур в особых формах, называемых цивилизационными признаками. История мыслится как процесс постепенного нарастания локальной специфичности обществ, завершающийся их гибелью (по тем или иным причинам) и образованием новых обществ, проходящих тот же цикл;

– *диффузионизм*, объясняющий культурную динамику, напротив, постоянной эстафетой культурных достижений, передаваемых от народа к народу, что в результате ведет к технологическому и интеллектуальному прогрессу во всем мире. История видится процессом пространственного распространения отдельных достижений (новаций) и всеобщего социокультурного развития в этой связи.

Еще одна особенность культурологии – это уровень обобщений. Философия культуры проводит обобщения на уровне умозрительных категорий (культура-вообще, которой, естественно, в природе нет, это – теоретическая абстракция; есть только разные культуры разных социальных групп – народов, конфессий, сословий и т. п.), история культуры – на уровне непосредственно наблюдаемых и описываемых явлений (артефактов). Культурология же осуществляет свои обобщения преимущественно на уровне культурных типов: исторических – цивилизации; социальных – элитарная, народная и массовая культуры; коммуникатив-

ных – устная, письменная и экранная культуры; функциональных – культуры производителей продовольствия (крестьян), материальных производителей (горожан), интеллектуальных производителей (интеллигенции), производителей порядка (элиты) и беспорядка (криминала) и иных типах. Зачем нужна такая аналитическая типологизация? Именно затем, чтобы глубже раскрыть причины и цели тех или иных форм коллективной жизнедеятельности, ответить на вопросы «почему» и «зачем».

Разумеется, это далеко не все вопросы, которыми занимается культурология. Но это отражает основные проблемные поля общей теории культуры.

Краткая история культурологии в России

Термин «культурология» впервые был применен в 1915 году немецким философом В. Оствальдом, однако широкую известность получил с 1939 года благодаря трудам американского культурантрополога Л. А. Уайта. Уайт видел необходимость в том, чтобы вычленил из традиционной культурной антропологии (этнологии), исследовавшей преимущественно культурные различия между народами, специальную науку – культурологию, ориентированную на изучение универсальных явлений культуры, единых для разных народов. Это позволяло ставить вопрос о культуре как общем понятии, универсальной «специфической модальности человеческого бытия» (Г. С. Кнабе), создать общую теорию культуры как категории. Тем не менее, в западной науке термин «культурология» не привился, а проблема, поставленная Уайтом, исследовалась в основном в русле лингвистической философии (семиотика, структурализм, постструктурализм, постмодерн), приверженцами французской школы «Анналов» (историческая антропология), социологами американской Гарвардской школы и их последователями (структурный функционализм).

Вместе с тем культурология в течение 1960–1980-х годов начала постепенно распространяться в советской науке,

а в 1990-х годах произошел своего рода «культурологический бум» прежде всего в сфере российского образования. В принципе можно проследить два основных источника отечественной культурологии.

В послевоенные десятилетия в СССР периодически проходили кампании «критики взглядов буржуазных ученых». В 1960-е годы на волне одной из таких кампаний армянский социолог Э. С. Маркарян, якобы дискутируя с Л. Уайтом, фактически ввел термин «культурология» в нашу науку и под видом критики «буржуазных концепций» начал знакомить научную общественность СССР с культурологическими концепциями Уайта и других американских «неоэволюционистов», а также с собственными комментариями к ним. В подобной инициативе первыми его поддержали ростовские ученые Ю. А. Жданов и В. Е. Давидович, ленинградцы С. Н. Артановский и М. С. Каган, свердловчанин Л. Н. Коган, к ним присоединились и московские специалисты С. А. Арутюнов, Б. С. Ерасов, Э. А. Орлова и др. Я упоминаю здесь лишь старшее поколение ученых; разумеется, среди научной молодежи апологетов этого движения было гораздо больше (включая и автора этих строк, выросшего на книгах Маркаряна). В период с середины 1960-х по начало 1990-х годов вышло уже несколько десятков книг по культурологии, написанных отечественными учеными, и около десятка переводов в основном западных социологов культуры (Э. Дюркгейма, А. Моля и др.).

В середине 1980-х годов в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР) открылась специальная лаборатория по изучению культуры, где под руководством И. Л. Галинской и С. Я. Левит начался массовый перевод на русский язык классических трудов западных философов культуры и антропологов, которые через несколько лет начали издаваться большими тиражами. Наши культурологи старшего поколения стали первыми профессиональными комментаторами этих трудов. Апогеем этой тенденции в начале 1990-х годов стало преобразование Всесоюзного НИИ культуры, занимавшегося в основном проблемами музееведения, в Российский институт культурологии. Лидером научных исследований в институте стала Э. А. Орлова – наибольший «западник» в нашей культурологии, что на несколько лет определило направленность работы института в целом. Это было одно направление возникновения российской культурологии – на базе освоения теорий западной философии, антропологии, социологии, психологии и т. п.

Но была и другая линия. В условиях идеологической зашоренности, царившей в стране, либеральная интеллигенция искала какой-то относительно легитимный способ выражения собственного, немарксистского мироощущения в культурно значимых текстах. В основном это были представители гуманитарного знания (историки, филологи, литературоведы, искусствоведы и др.). И они нашли искомый

выход в сфере так называемого культуроведения (термин Ю. В. Рождественского), которое начало проявляться в повышенном интересе к объектам старины и исторической традиции, в движении охраны национального культурного наследия и т. п. В числе этих ученых следует назвать С. С. Аверинцева, А. И. Арнольдова, Л. И. Баткина, Г. Д. Гачева, А. Я. Гуревича, П. С. Гуревича, В. В. Иванова, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, В. М. Межуева, Е. М. Мелетинского, Ю. В. Рождественского, В. Н. Топорова и др.

Усилиями этой группы либеральной интеллигенции формировалась другая ветвь российской культурологии, базировавшаяся прежде всего на традициях отечественной исторической, филологической и искусствоведческой наук, на лингвистических реконструкциях нравов и быта минувших времен, на изучении мифов и языческой обрядности в рамках развитой отечественной школы мифологии, на семантическом анализе искусства как источника информации о культуре прошлого, но – главное – на различных вариациях теории локальных цивилизаций, идущей еще из XIX века от Н. Я. Данилевского и возрожденной в середине XX века Л. Н. Гумилевым. Кстати, именно в середине 1980-х годов впервые в СССР на русском языке вышли книги и зарубежных классиков теории цивилизаций: О. Шпенглера и А. Тойнби. Своеобразным ответвлением цивилизационных исследований, выросшим непосредственно из концепций русских «евразийцев» и этногеографических воззре-

ний Гумилева, является школа «социоестественной истории» (Э. С. Кульпин и др.), синтезирующая современные идеи социальной синергетики и давние теории геодетерминированности исторических процессов.

Следует отметить, что огромное влияние на формирование этой ветви культурологии оказала чрезвычайно мощная традиция российского востоковедения; не будет преувеличением сказать, что российская гуманитарная культурология в существенной мере воспользовалась опытом востоковедческих исследований, распространив его на изучение русской и западной культур. Разумеется, и здесь не обошлось без обращения к достижениям зарубежных коллег: во-первых, французских семиотиков, под влиянием которых сложилась знаменитая московско-тартуская семиотическая школа во главе с Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским; во-вторых, французских же историков школы «Анналов», чья методика оказалась близка российским традициям изучения культуры повседневности и под воздействием которой началось формирование отечественного аналога школы ментальностей во главе с А. Я. Гуревичем, Ю. Л. Бессмертным, А. Л. Ястребицкой.

Таким образом, в течение 1960–1980-х годов в стране шло параллельное формирование двух сравнительно автономных культурологий: социальной, апеллировавшей к опыту англоамериканской и немецкой антропологии, и гуманитарной, имевшей в своей основе отечественные корни и свя-

занной с французскими школами семиотики и «новой истории». Все 1990-е годы были посвящены попыткам объединения этих ветвей и превращения культурологии в некую «супернауку», синтезирующую в себе социально-научный и гуманитарный подходы к познанию общества и культуры.

В 1989 г. культурология была легализована как новое направление (специальность) высшего образования и как общеобразовательная дисциплина. В стране начали открываться первые культурологические кафедры, создаваться первые учебники по общеобразовательной культурологии, в чем безусловное первенство принадлежит Московскому государственному техническому университету им. Н. Э. Баумана и непосредственно Н. Г. Багдасарьян, а также Российскому открытому университету (ныне – Университет РАО) и сотрудничавшим с ним в те годы С. П. Мамонтову и Б. С. Ерасову (авторам двух первых в России учебников по общеобразовательной культурологии).

В числе основателей специального культурологического образования в стране следует назвать Г. В. Драча – в Ростове, С. Н. Иконникову – в Санкт-Петербурге, Г. И. Звереву, Т. Ф. Кузнецову и автора этих строк – в Москве.

С 1996 года культурология была введена в номенклатуру специальностей Миннауки и ВАК России. Были учреждены ученые степени доктора и кандидата культурологии, стали открываться диссертационные советы по культурологическим специальностям.

Но был и еще один фактор, определявший претензии культурологии как «супернауки». Дело в том, что основным заказчиком культурологического знания было (и в большой мере остается сейчас) образование. В 1992 году, когда из вузовских программ была убрана марксистская теория, на культурологию обратили внимание как на дисциплину, способную заменить исторический материализм. Соответственно от культурологии ожидали, что содержательно она станет «общей теорией всего», т. е. безграничным по своему размаху обществоведением (аналогично истмату). Но заказчик не учел того, что общество и его культура – это не одно и то же. А культурология изучает именно культуру (в отличие от социологии, изучающей общество). Этот социальный заказ в известной мере дезориентировал культурологов, которые в 1990-х годах занялись построением теорий общества и его динамики на базе культуры.

Хотя на этот счет было написано немало интересных работ, но нацеленность на ложный предмет изучения, в конечном счете, сыграла против культурологии. Ведь у нее были не только сторонники, но и весьма сильные противники, которые упорно боролись с наукой о культуре как сферой знаний, неизбежно конкурирующей в ряде проблемных областей с философией, а также практически со всеми социальными и гуманитарными науками. Серьезный кризис наступил в 2000 году, когда под нажимом влиятельного лобби философов и социологов и вопреки протестам

Российской академии наук Министерство по делам науки и изобретений Российской Федерации издало приказ, «закрывающий» культурологию в качестве самостоятельной науки как не оправдавшей социальный заказ. Взрыв возмущения деятелей гуманитарной сферы, поддержанный известными корифеями литературы и искусства, а также негативная позиция Министерства культуры Российской Федерации привели к отмене этого приказа и выработке компромиссного решения. Культурология была восстановлена в виде двух специальностей: 1) теория и история культуры; 2) музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов. Возобновлены защиты диссертаций по культурологии. А что касается культурологического образования, то оно и не прерывалось.

Итак, «супернаука» не состоялась. Культурология, наконец, локализовала объект и предмет своего познания на культуре, ушла от организационных форм к технологиям и продуктам человеческой жизнедеятельности. Но объединения социального и гуманитарного направлений культурологии так и не произошло. Они остались сравнительно самостоятельными течениями изучения культуры, ориентированными на разные методологии. Это разделение получило даже региональное выражение. Например, московские культурологи в массе своей больше склоняются к социально-научному направлению, а санкт-петербургские – к гуманитарному (разумеется, и там, и там можно найти представителей

обоих направлений, но доминирующая ориентация все же чувствуется). А ведущий научный центр – Российский институт культурологии даже организационно разделен на два этих направления.

Культурологические учебные заведения и подразделения почти все склоняются к гуманитарной культурологии. Образовательный Госстандарт 2000 года также усиливает доминирование гуманитарной составляющей в учебных планах (приблизительно 45 % – на гуманитарное и лишь 20 % – на социально-научное знание в общем объеме часов).

В 2006 году в Санкт-Петербурге было создано Российское культурологическое общество (позднее зарегистрированное под официальным названием Научно-образовательное культурологическое общество), которое призвано сыграть роль общественной академии для культурологов (в Российской академии наук пока еще нет отделения культурологии). В числе задач, которые должно решить общество, – выработка общих критериев, по которым то или иное исследование может быть отнесено к профилю «культурология», расширение номенклатуры культурологических специальностей, расширение поля социального заказа на культурологию, формирование культурологического экспертного сообщества, формирование научно-популярного сегмента культурологической науки, проведение грамотной информационной политики в интересах культурологии и пр.

На сегодняшний день культурология остается комплексно

востребованной только системой образования. Вместе с тем культурологи начинают уверенно завоевывать площадки социальной коммуникации, социокультурной экспертизы, общедминистративной референтуры. Но все это не имеет системного характера. Общество еще не осознало широких познавательных и экспертных возможностей культурологии, возможностей практического применения широкопрофильных знаний культурологов. Но это осознание постепенно начинает формироваться.

Культура и история: потребность в переживании социального опыта

Приступая к рассуждению о соотнесенности истории и культуры, важно определиться в отношении к вопросу о целенаправленности истории как социального движения и достоверности ее как науки. С точки зрения философии позитивизма и опирающейся на нее социальной науки, история априорно лишена какой-либо телеологичности, целеориентированности, внутренней осмысленности и является более или менее случайным результатом коллективной жизни людей. Я бы даже рискнул определить исторический процесс как динамику практической реализации людьми коллективных форм их деятельности, а также как аккумуляцию, селекцию и трансляцию в наибольшей мере оправдавших себя образцов социального опыта по достижению этой цели. В таком случае историческое знание (наука) может быть определено как особый способ описания и систематизации наиболее значимых процессов и результатов осуществления людьми своей социальности, то есть технологий их коллективного существования.

Обращаю внимание на то, что при этом речь идет о способе, избранном нами – заинтересованными лицами – для описания событий прошлого, систематизированных нами же по тем или иным основаниям, удобным для нас. Можно си-

стематизировать эти же события и иным образом, на других основаниях, искать иные их причины. Это приведет к совершенно иным интеллектуальным и идеологическим результатам и будет рассматриваться как особая система парадигм исторического познания (например, эволюционная или цивилизационная, но в принципе могут быть и другие). Сама по себе история не является живым существом и не может иметь каких-либо самостоятельных целей, смыслов, намерений и прочих проявлений свободной воли, свойственных человеческой личности.

Возникает вопрос, почему же история выглядит столь логичной и последовательной, что порой поражает нас своей выраженной векторностью и телеологичностью? Отвечаю известной максимой: истинно лишь то, во что мы сами веруем. Не веруйте, не убеждайте себя в особой мистике истории, и она окажется не более систематичной и последовательной, чем наша повседневная жизнь. Это мы искусственно систематизируем хронологическую последовательность событий, порой «насилуя фактуру», которую иначе не удастся описать сколько-нибудь складно. Это вовсе не значит, что реальная совокупность событий социального бытия столь же упорядочена, как, впрочем, это в равной мере не означает и того, что социальное бытие менее упорядочено, чем мы это видим или нам хочется это видеть. Вопрос в том, что каждый из нас понимает под достаточной степенью упорядоченности событий, чтобы показать ее как неотъемлемое свойство истории.

Сразу же уточню свою позицию и по вопросу различения «двух историй» – истории как совокупности реальных событий прошлого и как науки, описывающей это прошлое. На мой взгляд, практически все, что мы знаем о прошлом, – это и есть совокупность текстов, созданных теми или иными людьми (жившими прежде или нашими современниками), описавшими это прошлое с большей или меньшей степенью субъективности. Говоря о тексте, я имею в виду не только письменные документы, но и любые продукты человеческой деятельности – вещи, сооружения, произведения, поступки, суждения, – каждый из которых может быть прочитан и дешифрован как текст. Но знакомство с первоисточниками – вещественными, документальными и другими свидетельствами в их подлинной, уникальной конкретике – удел узких профессионалов, которые обобщают, систематизируют и «переводят» сумму изучаемых ими фактов на язык связного повествования, так или иначе отражающего их собственную интерпретацию и навязывающего нам авторское понимание материала. Недаром в Англии исторические исследования принято относить к сфере художественной литературы, а не науки. Я уже не говорю о степени субъективности самих исторических документов; ведь их составляли живые люди в конкретных социальных обстоятельствах, испытывавшие давление со стороны властей и т. п.

Здесь уместно вспомнить о теории «нарратива» и сослаться на авторитет Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Дерриды. Про-

шлое открывается для человека только в форме «повествования» о нем, совершаемого кем-либо (например, самим Господом посредством «откровения» или человеком, рискнувшим присвоить себе сакральные функции «раскрытия правды» о днях минувших). Авторизованность подобного подхода неизбежно предполагает субъективную интерпретацию прошлого, а все прочее, могущее обнаружиться в культуре за пределами такой истории, – тем более фикция (фантазмы и симулякры, по Лиотару и Бодрийяру). Таков профессиональный метод изложения истории как авторизованного рассказа, к которому я не только отношусь с полным уважением, но и сам при необходимости делаю то же самое (другого метода нет), отдавая себе отчет о масштабах личностного переживания истории и степени авторской интерпретативности в ее описании. Этот же принцип доминирует в произведениях художественной литературы и искусства, в традиционных преданиях, мифах и легендах, суммой сведений которых и этнической традицией, сформировавшейся именно в недрах религиозно-художественной культуры, в существенной мере формируется историческая эрудиция всякого общества. Я не говорю уже о конфессиональной догматике как таковой, историческая фактурная доказуемость которой в данном случае даже не обсуждается, но роль которой в наших массово распространенных взглядах на историю трудно преувеличить.

Поэтому вопрос о том, что подразумевается под истори-

ей – подлинные события или их интерпретации, данные историками, писателями, художниками, философами, религиозными пророками и так далее, в принципе не имеет значения. Все, что мы знаем об истории, базируется почти исключительно на сумме авторизированных рассказов о прошлом, в лучшем случае имеющих некоторое отношение к объективно доказуемым фактам, или совершенно недоказуемых мифологемах – социальных, конфессиональных, национальных и т. п.

Вот пример, ставший почти классическим: все мы знаем пушкинскую эпиграмму на графа М. С. Воронцова «Полумилорд, полукупец... полуподлец...». А ведь это писалось о прославленном герое Отечественной войны 1812 года, генерале, непосредственно защищавшем Багратионовы флеши под Бородином (которые по справедливости следовало бы назвать Воронцовскими флешами; Багратион непосредственно на флешах фактически не заезжал)¹, первым вошедшем в Париж в 1814 г., командире русского оккупационного корпуса во Франции (под покровительством которого зрели будущее декабристы). Конечно, у Пушкина не сложились личные отношения с генералом, и за публичное ухаживание за женой Воронцова – одной из самых красивых женщин того времени – поэт был выслан из Одессы в Киши-

¹ По рассказу М. Б. Баркляя-де-Толли, объезжавшего после сражения войска: «Потери в войсках чудовищные. Я наткнулся на полсотни солдат, окружавших раненого генерала, и спросил: “Вы что за полк, ребята?” Мне ответили: “А мы не полк. Мы дивизия графа Воронцова”».

нев. Похоже, Пушкина оскорбила не столько высылка, сколько то, что генерал от инфантерии и генерал-губернатор Таврии не снизошел до дуэли с мелким гражданским чиновником. И вот в нашем культурном сознании один из самых прославленных русских военачальников остался «полуподлецом». Не ссорьтесь с пушкиными.

Поэтому исследователю необходимо четко различать историческое событие (или персонаж) и закрепившуюся в культурной традиции его интерпретацию.

Другой вопрос, обладает ли субъективно проинтерпретированное знание о прошлом объективной научной значимостью. Думаю, что обладает настолько, насколько такого рода значимость вообще присуща оценочному подходу, зависящему от социального контекста его реализации. В отличие от физики, законы которой не поддаются интерпретации с точки зрения интересов общества (соответствует ли нашим национальным интересам закон всемирного тяготения?), гуманитарное знание всегда оценочно, всегда отражает интересы и ценности некоего сообщества, группы и т. п., что и было доказано еще философами-неокантианцами и М. Вебером. Оно значимо постольку, поскольку соответствует психологической комфортности членов данного сообщества, его самооценке и самоидентификации, выступает «оправданием» его прошлого и настоящего, особенностей культуры, нравов, обычаев и т. п.

Гуманитарное знание (включая историческое) дает воз-

возможность теоретически обобщить и отразить социальный опыт коллективного существования, накопленный многими поколениями предков. С этой точки зрения оно, так же как и искусство, обладает высочайшей социальной значимостью, становясь основой нашей психологической уверенности в себе как в обществе. При этом никаких объективных законов мироустройства оно (как и искусство) не открывает, поскольку подобные законы, как об этом свидетельствуют естественные науки, не поддаются ценностной интерпретации. Атомный вес водорода или строение ДНК не могут обладать большей ценностью для России и меньшей для Франции. А вот деятельность Карла Великого имеет, безусловно, разную ценность для французов и русских. Это значит, что в отличие от ДНК история Карла имеет разные культурные смыслы для разных обществ и интересна именно этой разностью. А из этого следует, что гуманитарные науки изучают не объективную правду о чем-либо (например, о каких-либо событиях), а ее частные и субъективные интерпретации – рефлексии свидетелей, а чаще – побочных трансляторов информации об этом. Иначе говоря, история изучает не правду о каких-либо событиях, а правду о чьих-то точках зрения (в том числе авторов исторических документов) по поводу этих событий. Это и есть нарратив.

Анализ эволюции жизни на Земле показывает, что от низших ее форм к более высоким непрерывно шло усиление значимости фактора коллективных форм существо-

вания особей, факторов социальности и ассоциированности как основного механизма популяционного выживания и воспроизводства. Межпоколенное поддержание коллективных форм жизни обеспечивает социальное воспроизводство группы, «правил игры», на основании которых коллектив сохраняет свою устойчивость. «Правила игры» не задаются извне, но вырабатываются самими членами ассоциации в процессе накопления практического опыта коллективной жизнедеятельности. У животных это происходит на уровне генетически наследуемых инстинктов, у людей – в результате разумного поведения, ориентированного на социально наследуемые культурные образцы.

Столь же показательна эволюция механизмов адаптации: у растений приспособление к изменению условий существования выражается в мутации видовых морфологических черт; у животных изменчивость видовых признаков дополняется локальной адаптацией отдельных особей и популяций посредством изменения стереотипов поведения, в частности, способностью к обучению (классический пример – цирковая дрессура). У человека же после сложения основных расовых типов морфологическая адаптация фактически свелась к незначительным элементам акселерации, главным же средством приспособления стало изменение сознания и способов поведения, особенно способов осуществления социальности или коллективного взаимодействия в процессе жизнедеятельности.

Не буду оригинальным, если назову описываемые явления коллективной человеческой жизни словом «культура». Культура людей функциональна и выступает как аналог того, что у животных мы называем биологическими механизмами выживания и популяционного воспроизводства в естественной среде. У людей такого рода механизмы работают в условиях социальной среды, то есть в ситуации взаимоотношений с человеческими коллективами. В свою очередь, практически вырабатываемые способы выживания и социального воспроизводства в конкретных исторических условиях, описанные в динамике, и есть история того или иного сообщества. Замечательный польский писатель и культуролог Станислав Лем называл различные культуры «локальными стратегиями выживания». Круг замыкается: культура – это способ выживания и воспроизводства социального человека в истории, а смысл истории мы находим в динамике накопления социального опыта выживания и воспроизводства, то есть в культуре.

Где же в этой схеме высокие духовные порывы, творчество, креативное начало, имманентно заложенные в человеке? Отвечаю: на каждом шагу. Духовность во всех ее проявлениях – это манифестация некоторых идеальных форм осуществления социальности, то есть воплощенных социальных конвенций по поводу «правил игры» коллективного сосуществования людей. Как правило, духовность, понимаемая в таком смысле, оперирует социальными проблемами на та-

ком уровне рефлексии, до которого основная масса человечества еще не доросла.

Таким образом, я прихожу к выводу (и подозреваю, что являюсь далеко не первым) о том, что понятия «история» и «культура» в существенной мере тождественны. История есть описание динамики того, что в статике рассматривается как культура; смысл истории в том, чтобы быть динамикой культуры, а смысл культуры в том, чтобы быть статикой истории.

Можно поставить вопрос и по-иному. В конце концов, никакой истории и культуры на свете нет. Это лишь слова, условные обозначения. Как факт существует человеческая деятельность. Ее событийный ряд мы договорились называть словом «история», совокупность форм и результатов – словом «культура». В таком случае история культуры – это событийный ряд порождения и существования форм и продуктов человеческой деятельности. При понимании того, что история и культура – лишь разные ракурсы описания человеческой деятельности, их тождество становится еще более очевидным.

Когда история и культура расходятся в этом тождестве, появляется такой феномен, как памятник. Памятник – это культурный артефакт, переживший свою актуальную историю, семантически остающийся свидетельством прошлого, но социально уже неактуальный.

Можно сказать, что культура – это предмет истории, со-

вокупность того, что может быть систематически описано в качестве повествования (текста), создающего образ сколько-нибудь целостного прошлого. Культура – это также и смысл истории, значимый социальный опыт коллективной жизнедеятельности людей, который заслуживает быть систематически описанным в качестве истории. В этом случае понятия «общая история» и «история культуры» различаются весьма условно. Поэтому представляется справедливым понимать под историей культуры собственно всеобщую историю, рассматривающую исследуемый материал под определенным углом зрения ради выявления универсальных и уникальных параметров социального опыта коллективного существования и социального воспроизводства всякого конкретно-исторического общества в его уникальном пространстве и времени.

В связи с этим возникает вопрос о культурогенезе. Было ли у культуры какое-либо происхождение, начальная историческая точка отсчета? Думаю, что нет. Имел место процесс постепенной трансформации генетически наследуемых инстинктов социальности животных в социально наследуемые паттерны коллективного взаимодействия людей. Накопление этих паттернов и составило то, что мы называем культурой. Но культурогенез тем не менее имеет место и заключается в бывшем, происходящем и будущем непрерывном порождении новых культурных форм и их объединений в новые локальные системы. Культурогенез можно назвать про-

цессом преодоления накопившейся традиции под давлением изменившихся внешних обстоятельств существования, что было, есть и будет всегда.

Таким образом, я прихожу к выводу о том, что культура и история, в сущности, представляют собой один феномен, различающийся лишь благодаря исходной позиции исследователя. Когда его интересует динамика событий, этот феномен он называет историей, если же ему интереснее статика – устойчивые компоненты ситуации или феномена, то она называется культурой. На самом деле ни в истории, ни в культуре динамика и статика сами по себе не доминируют, а лишь условно акцентуируются исследователем.

Культурология как наука: проблемы систематизации социального опыта коллективной жизни людей

1. Статус культурологии и ее место среди наук. Цели, предмет и структура культурологического знания

В современной науке наиболее распространенным и признаваемым практически всем научным сообществом является определение культуры как мира искусственных объектов и порядков, созданных людьми. В их число входят объекты и порядки:

- *материальные* – вещи, сооружения, преобразованная среда;
- *идеальные* – знания, суждения, понятия, образы, смыслы, названия и обозначения, слова, символы, знаки, изображения;
- *социальные* – принципы, на базе которых образуются различные виды коллективных объединений людей для осуществления совместной жизнедеятельности (социальные, этнические, конфессиональные и др.), лежащие в основе их социальной солидарности;

– *технологические* – разнообразные способы осуществления коллективной деятельности и коммуникации, разработанные людьми на протяжении их истории и наследуемые человеком не биологически (генетически), а только методом заучивания или подражания (в процессах воспитания, образования и практического социального взаимодействия с другими людьми), и некоторые другие. Если исходить из этого определения, то все существующие гуманитарные науки, а в некоторых аспектах – и социальные науки в конечном счете являются науками о культуре, т. е. знанием о видах, формах и результатах человеческой жизнедеятельности, что отмечал еще немецкий философ Генрих Риккерт в своей работе «Науки о природе и науки о культуре» (1903). Кажется бы, в таком случае нет никакой необходимости в существовании какой-то специальной науки о культуре – культурологии. Есть науки о природе – естественные, науки об обществе – социальные, науки о культуре – гуманитарные и, наконец, философия – метафизическое знание о конечных сущностях бытия, как природного, так социального и культурного.

Вместе с тем, социальные и гуманитарные науки делятся на две неравные группы: огромный корпус наук о рожденных в процессе разделения труда специализированных видах человеческой деятельности (экономике, праве, политике, военном деле, языке, религии, искусстве, педагогике и т. п.), выделяемых по предмету этой деятельности, и небольшая

группа наук о различных общих аспектах такого рода деятельности безотносительно к ее предмету. Это прежде всего исторические науки, изучающие генезис и временную хронологию человеческой жизнедеятельности в любых ее сферах; психологические науки, исследующие закономерности психической деятельности, индивидуального и группового поведения (то есть его мотивацию); социологические науки, открывающие формы и способы объединения и взаимодействия людей в их совместной целенаправленной жизненной активности; культурологические науки, анализирующие социальные смыслы этой коллективной деятельности, консолидирующие, ценностные, нормативно-регулятивные, знаково-коммуникативные, а также социально-воспроизводящие аспекты коллективного бытия как необходимые условия образования и функционирования устойчивых социальных общностей – народов (см. табл. 1).

Таблица 1. Науки о видах и формах человеческой деятельности (социально-научное и гуманитарное знание)

Науки о формах социальной организации и регуляции	Науки о формах социальной коммуникации и трансляции опыта	Науки о видах материально-преобразующей деятельности
Юридические Политические Военные Экономические	Филологические Педагогические Искусствоведческие Религиоведческие	Технические Сельскохозяйственные
Интегративные науки о различных аспектах видов и форм человеческой деятельности		
Исторические (<i>генетическо-хронологический аспект</i>) Психологические (<i>мотивационный аспект</i>) Социологические (<i>структурно-функциональный аспект</i>) Культурологические (<i>социально-консолидирующий, нормативно-регулятивный, ценностно-смысловой, знаково-коммуникативный и социально-воспроизводящий аспекты</i>)		

Для осуществления социальных форм жизни нужны, во-первых, общие цели (основания), консолидирующие людей в их коллективном существовании, и нормы (правила), регулирующие их совместную жизнь и деятельность, а также ценности – иерархизированная система критериев оценки эффективности и приемлемости тех или иных актов и продуктов деятельности и поведения человека, различных объектов и предметов и т. п. Во-вторых, наделение объектов и явлений окружающего мира (включая самого человека и его деятельность) некими смыслами, способность к различению и систематизации этих объектов и их смыслов, а также система обозначений (символов и названий), с помощью которой осуществляется информационный обмен (социальная

коммуникация) между людьми по поводу целей, предметов, способов и смыслов их деятельности.

В процессе осуществления такого рода практической и символической деятельности люди накапливают определенный опыт того, как лучше, эффективнее, экономнее, полезней, безопаснее делать все это, то есть удовлетворять свои индивидуальные и групповые интересы и потребности в ходе социального взаимодействия друг с другом. Все это называется совокупным социальным опытом данного человеческого коллектива, исторически накапливаемым и передаваемым из поколения в поколение в виде норм, правил, традиций, обычаев, нравов, знаний, учений, законов, технологических навыков и умений, чувственных образов и иных «передаточных механизмов» в ходе процессов социального воспроизводства общества и личности. Весь этот сложный комплекс функциональных средств и механизмов взаимопонимания и взаимосогласования процессов жизнедеятельности человека и изучает культурология, которую в числе многих иных определений можно назвать наукой о ценностно детерминированных основаниях социальной консолидации людей и способах осуществления коллективного характера их жизнедеятельности, о социокультурной необходимости познания и упорядочения окружающего материального и информационного мира, а также о методах воспроизводства общества как социально устойчивой и культурноспецифичной общности.

При этом если социология изучает непосредственно формы объединений людей в устойчивые коллективы (социумы и иные социальные группы) и вопросы взаимодействия между ними, то культурология исследует по преимуществу «тексты», «правила игры», «социальные конвенции», регулирующие их совместное общежитие и опредмеченные в продуктах их деятельности, манифестированные и зафиксированные в каких-то письменных документах или ритуальных формах поведения, в художественных образах, философских сентенциях и прочем, выраженные на тех или иных «языках культуры» и транслируемые из поколения в поколение в виде традиций, нравов, обрядов, норм, правил и тому подобных регулятивных установок коллективной жизнедеятельности людей, называемых чертами своеобразия их культуры.

Здесь следует определиться с одним принципиально важным условием, о котором многие, как правило, забывают. Предмет культурологического познания – отнюдь не «вся культура»; это по силам лишь всей совокупности социальных и гуманитарных наук. Отнюдь не любое исследование, включающее в свое заглавие слово «культура», может быть отнесено к профилю культурологии. Культурология ограничивает свою «познавательную площадку» именно описанным комплексом нормативно-регулятивных, ценностно-смысловых, знаково-коммуникативных и социально-воспроизводящих механизмов и средств, обеспечиваю-

щих коллективный характер форм жизнедеятельности людей и процедуры межпоколенной передачи социального опыта. На каком эмпирическом материале изучаются эти проблемы, не важно. Можно на любом, вплоть до привычки жевать резинку или практики каннибализма. Но исследование должно быть сконцентрировано именно в этом проблемном поле. Тогда это будет называться культурологией, выявляющей глубинные социальные смыслы в любой сфере человеческой деятельности.

Именно этот аспект можно назвать культурой в узком смысле как процесс порождения, функционирования и воспроизводства некоторого набора социальных норм, спланирующих данный коллектив людей в устойчивое сообщество, задающих его членам необходимые знания и навыки, языки коммуникации и оценочные критерии, правила бытового общежития и нормативного этикета, эталоны социальной адекватности и образы престижности, границы социальных притязаний и прочие атрибуты социокультурной компетентности, необходимые для полноценной социальной жизни в данном сообществе. В данном случае под социальными нормами (в отличие от технологических норм) понимаются разделяемые в более или менее массовом порядке императивные, разрешительные или запретительные установки на те или иные способы осуществления различной деятельности или взаимодействия между людьми (способы удовлетворения тех или иных личных и групповых интересов и по-

требностей, необходимостей и притязаний). Их содержание в значительной мере определяется доминирующими в данном сообществе нравственными, этическими, мировоззренческими и другими принципами.

Говоря о нормах, я, естественно, имею в виду весьма широкий комплекс социально-регулятивных установок: мораль и нравственность обыденного поведения или служебного этикета (осуществляемые осмысленно); законодательно закрепленные императивы и запреты, разрешения и запрещения на те или иные поведенческие акты, суждения или оценки (что обычно связано с какой-то системой социальных поощрений или санкций); образцы сознания и поведения, воспроизводящие устойчивые социальные и культурные стереотипы почти в автоматическом режиме (например, бытовая вежливость или демонстрация пиетета перед человеком с более высоким социальным статусом), что ныне принято называть «ментальностью»; образцы поступков и решений, которые воспроизводятся не буквально, но с общей ориентацией на исходные эталоны (например, религиозные или художественные каноны); различные обрядовые и ритуальные, этикетные и церемониальные формы поведения, имеющие преимущественно статусно-демонстративную функцию «маркера причастности» человека к ситуации; и наконец, вся система ценностных установок и ориентаций, присущих тому или иному сообществу, вне которых упорядоченная жизнь в сообществе практически невозможна.

Источником такого рода норм служит исторический социальный опыт коллективных форм жизнедеятельности людей, накапливаемый сообществом и передаваемый из поколения в поколение в виде вышеперечисленных установок. Разумеется, по мере изменения социальных условий жизнедеятельности какие-то из норм теряют актуальность и отмирают, иные модернизируются, одновременно формируются и внедряются в общественную практику совершенно новые нормы, порождаемые новыми условиями бытия и т. п. Есть все основания предполагать, что система социальных норм и является квинтэссенцией культуры как таковой, порождаемой в процессе накопления и аккумуляции социального опыта, его селекции и выделения наиболее оправдавших себя образцов проявления сознания (суждений, оценок) и осуществления деятельности.

Эти образцы закрепляются в практике людей посредством нормирования и стандартизации допустимых форм их поведения и суждений как наиболее социально приемлемых, символизируются в наглядных формах, внедряются в актуальную социальную практику и особенно в системы коммуникации, межпоколенной трансляции культуры, модернизации, изменчивости и т. п. Такого рода нормативно-регулятивные процессы определяют основные формы взаимодействия людей практически в любых областях их социальной активности: от высших проявлений интеллектуального и художественного творчества до криминальной борьбы за су-

ществование. Это и есть основное системообразующее ядро всякой конкретно-исторической культуры.

Возникает вопрос, как в эту жесткую нормативно-регулятивную модель вписывается феномен творчества, без которого невозможно представить себе сколько-нибудь развитую культуру? Как представляется, творчество является вполне органичной составляющей этой модели, поскольку любое применение норм и стандартов (любой степени жесткости) связано с их определенной интерпретацией, адаптивным варьированием черт используемой формы в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, сложившихся в месте и времени применения и т. п. Творческий акт – интеллектуальный, художественный, духовно-провидческий, научно-познавательный, конструктивно-технический и т. п. – это акт создания нового культурного феномена (формы, смысла, образа, способа и пр.), мотивированный и стимулированный какой-то еще не решенной проблемой (природной или социальной), внутренним социальным или культурно-ценностным конфликтом (вплоть до личного взаимонепонимания), нехваткой необходимых знаний, опыта, состоянием психологической фрустрации, эмоционального дисбаланса, что, как правило, так или иначе связано с ситуациями взаимоотношений автора (творца) со своим социальным окружением (другими людьми).

Вместе с тем инерция накопленного социального опыта была жестким регулятором всякого творчества, которое

всегда (даже если речь шла о творчестве художественном) затрагивало некие базисные установки правил коллективного существования людей, их взаимопонимания, согласия в оценках, трактовках и т. п. Разумеется, в сообществах с различной степенью традиционности общего социокультурного устройства творческие достижения и открытия реализовывались с разной мерой терпимости или нетерпимости к новациям. Нам не следует забывать, что творчество в основном было и остается нормативно-регулятивным явлением культуры (и, как правило, определено ангажированным, целенаправленно заказанным тем или иным «заказчиком»), сколь бы экстравагантные манифестации ни сопровождали ту или иную конкретную акцию того или иного творца и сколь бы искренними ни были его субъективные устремления.

В изучении социального нормирования и ценностной иерархизированности любых форм жизнедеятельности людей, механизмов формирования и функционирования, языков символического выражения и межпоколенной трансляции этих социальных норм культурологию не может заменить ни одна отраслевая наука, каждая из которых исследует преимущественно технологические нормы в той или иной сфере деятельности, а не социально-ценностные.

Суть социально-ценностного нормирования заключается в том, что человек избирает способ достижения преследуемой цели не столько по признакам его (способа) практиче-

ской эффективности, экономности и т. п. (что, разумеется, остается весьма важным критерием выбора), сколько по признакам допустимых социальной цены и социальных последствий применения этого способа. Подобного рода ограничения могут иметь как глобальный, так и совершенно локальный характер, но в принципе каждое социальное действие индивида, так или иначе, корректируется такими регуляторами. В культуре цель никогда не оправдывает средства. Только социальная приемлемость средств делает и цель культурно оправданной.

Любое культурологическое исследование (если оно действительно культурологическое) является актом дешифровки глубинных социальных смыслов, сокрытых в чертах изучаемого явления или события. Ибо всякое явление и событие, рассмотренное в культурологическом ракурсе, является текстом, содержащим в себе явные и скрытые смыслы. Этот «текст» нужно прочесть и выявить содержащиеся в нем смыслы. Но культуролога интересуют не любые смыслы (а всякое явление или событие, как культурный текст, несет в себе неисчислимое количество разных содержаний и смыслов), а именно социально значимые смыслы, то есть смыслы, касающиеся способов поддержания коллективной формы существования людей. А это и есть те самые социально-ценностные нормы, о которых шла речь выше.

Таким образом, объектом (то есть исследуемой сферой жизни, наблюдаемой объективно) научных интересов куль-

турологов являются, по существу, любые виды и формы человеческой жизнедеятельности (точно так же, как у историков, психологов и социологов), а предметом научного анализа (то есть непосредственно изучаемым аспектом или свойством, выявляемым и выделяемым в объекте среди иных его аспектов и свойств) становятся прежде всего его нормативно-регулятивные, ценностно-смысловые, знаково-коммуникативные и социально-воспроизводящие механизмы, регулирующие всякую социальную практику и в особенности взаимодействие и взаимопонимание между людьми. В этом смысле культурология является наукой, изучающей не человека и общество как таковые, а способы коллективного существования людей, формирующие из толпы организованное общество. Эти способы в совокупности и представляют собой культуру данного общества.

Нормативно-регулятивный аспект социальной жизни, изучаемый культурологией, представляет собой прежде всего совокупность определенных экстраутилитарных принципов в человеческой жизнедеятельности, под которыми понимаются такие формы детерминации активности человека, которые обычно не имеют прямого и непосредственного отношения к преследуемой цели по существу, но не позволяют человеку использовать любой способ для достижения цели, а требуют от него выбора способа, наиболее приемлемого по нравственным, мировоззренческим, этическим и иным ценностным соображениям и правилам, распространенным

в данном обществе. При этом основным критерием приемлемости этого способа как социально допустимого выступает его непосредственное или опосредованное (в долгосрочной перспективе) влияние на уровень социальной консолидированности членов данного сообщества, то есть его социальная значимость для поддержания коллективного характера жизни людей. Таким образом, культурология – это наука о способах (технологиях) осуществления коллективной жизни людей (в отличие от социологии, изучающей главным образом структурные формы этой коллективной жизни) и о договоренностях (социальных конвенциях) по поводу допустимости и приемлемости тех или иных способов удовлетворения их интересов и потребностей.

Ценностно-смысловой аспект культуры представляет собой совокупность тем или иным образом систематизированных (упорядоченных) знаний людей об окружающем их мире и его смыслах, а также ценностно-иерархизированного социального опыта (опыта коллективного сожительства и взаимодействия), накопленного людьми на протяжении их истории. В конечном счете, культура может быть представлена и как система знаний и представлений людей, рассмотренная через призму их социального опыта, наделяющего эти знания определенными значащими для человека смыслами. Эти знания, смыслы и социальный опыт концентрируются как в институциональной области (систематизированных научных и технологических знаниях, религиозных

и философских учениях, законах, художественных образах и пр., транслируемых в формах систематического обучения), так и в конвенциональной сфере (существующей и функционирующей в виде обычаев, нравов, народной мудрости, этикета, ритуала, вкусов, оценок, норм бытового общежития и общения и пр.). Подавляющее большинство знаний и представлений человека о природе и обществе, истории и настоящем, самом себе и других людях, способах производства или потребления чего-либо и т. п., так или иначе «обслуживают» коллективный характер их жизнедеятельности. Таким образом, культурология – это и наука о процессах формирования у разных человеческих коллективов комплексов их социально значимых знаний и социального опыта, в совокупности создающих осмысленную и упорядоченную картину мира, отражающую специфику исторической судьбы данного сообщества.

В этом вопросе присутствует еще одна очень сложная проблема. Совершая какие-либо действия, высказывая какие-либо суждения, познавая что-либо, человек упорядочивает окружающий его мир (или актуальный его фрагмент) по некоторым принципам, принятым его сообществом и культурой (видимо, преимущественно утилитарным, а также экстраутилитарным в обозначенном выше смысле), то есть совершает эти действия как социально детерминированные, согласованные с социумом или не вызывающие возражений у социума. Но человек одновременно

переживает то, что он делает, говорит, узнает и пр. Что значит «переживает» с антропологической точки зрения? Очевидно, где-то в глубинах своей психики он точно так же упорядочивает информацию, но по каким-то другим, видимо, ценностно-эмоциональным принципам, что дает ему возможность психологически принять (или смириться) то, что он совершает, индивидуально проинтерпретировать собственные действия (не обязательно вынося эту интерпретацию на чей-то суд) и т. п. В случае, если человек вполне удовлетворен своими действиями, он выражает радость по этому поводу, а если глубоко неудовлетворен, в дело вступает такой сложный механизм как совесть, связанная с функцией нравственной самопроверки личности. Точно так же человек переживает действия и суждения других людей, то есть постоянно оценивает их соответствие его персональным взглядам на социальную допустимость и приемлемость.

К числу главных предметных областей культурологии относится и исследование знаково-коммуникативных процессов информационных связей между людьми. В отличие от наук лингвистического профиля культурологию интересуют не технические механизмы порождения, фиксации, кодирования, передачи и декодирования информации, а сами культурно-смысловые содержания, составляющие предмет этих информационных обменов между людьми и выраженные в определенных символах, знаках, значениях, чувственных образах и т. п. В конечном счете, содержание этих

информационных обменов между людьми по преимуществу сводится к обсуждению все тех же «правил игры», непосредственно или опосредствованно регулирующих или обеспечивающих их совместное существование. При этом информационные обмены могут осуществляться как на естественных языках, так и на вспомогательных (пиктографических, мимико-жестовых, языками церемониального поведения, художественных образов и иной символики). Отсюда культурология – это и наука о содержании процессов социальной коммуникации и о социальном функционировании языков этой коммуникации.

И, наконец, культурология – это наука о процессах и способах социального воспроизводства общества и личности – межпоколенной трансляции социального и культурного опыта – норм и правил, знаний и смыслов, ценностей и символов, языков их обозначения и т. п. Социальное воспроизводство общества возможно только методом специального обучения и воспитания его членов – личностей, в совокупности составляющих его массив, на что направлены усилия систем образования, просвещения, религии, искусства, специализированных культурных институтов, средств массовой информации и пр. При этом воспроизводятся не только лояльные члены общества («продукты» данной культуры, владеющие языками коммуникации и средствами социальной конкурентоспособности в этом обществе), но и активные участники социальных процессов («потребители» и «производители»

культуры); а также в каких-то масштабах воспроизводится и антисоциальная среда (люди, паразитирующие за счет умелого нарушения действующих социальных и культурных норм).

На позитивное воспроизводство направлены процессы социализации личности (воспитания индивида в традициях социальной адекватности нормам жизнедеятельности, обычаям взаимодействия и размаху социальных притязаний, приемлемых в данном обществе), а также инкультурации личности (обучения индивида должной культурной компетентности в ценностно-смысловых порядках и установках этого общества). Таким образом, всякое общество, воспитывая своих лояльных членов, по существу стремится воспроизвести легитимный социальный порядок, господствующий в данном коллективе на данном этапе его истории. Социальное воспроизводство – это прежде всего воспроизводство порядка коллективных форм и содержаний жизнедеятельности, то есть культуры.

У читателя на основе всего прочитанного может сложиться впечатление, что культурология в первую очередь – это наука о прошлом. Ведь социальный опыт, на основе которого складывается всякая культура, – это то, что уже миновало и было ретроспективно осмыслено потомками. Это верно. И если бы культурология как наука имела бы многовековую историю, то такое суждение было бы вполне обоснованным. Но XX век среди прочего характерен и тем, что в течение его

начала складываться новая культурная парадигма. Суть ее в том, что культура стала постепенно утрачивать свою жесткую обращенность только в прошлое. Культуру стало интересовать и будущее.

Конечно, интерес к будущему не изобретение XX века. Если Античность и Средневековье не очень беспокоились о земном будущем человечества, то уже в эпоху Ренессанса появились первые социальные утопии, а Просвещение жестко поставило вопрос о направленности истории и содержании исторического прогресса. Марксистская модель коммунизма была наиболее радикальной и проработанной утопией будущего. Но в XIX веке этим были обеспокоены преимущественно интеллектуалы. И, пожалуй, только в XX веке предощущение будущего стало доминировать в культуре массового общества (в том числе и идея коммунизма).

Именно в XX веке получили такое развитие научная и ненаучная фантастика, литературные утопии и антиутопии, жанр фэнтези в литературе и кино, не говоря уже о научной футурологии и социальной прогностике, которые к концу века вошли в число наиболее востребованных направлений науки. В XX веке планы и программы развития на несколько лет вперед стали нормой управленческой практики. Говоря образно, если вчера мы получали социальный опыт, обсуждая уже сыгранный спектакль, то сегодня мы получаем опыт, репетируя спектакль предстоящий. Сейчас мы обретаем опыт, превентивно переживая будущее.

Культурология, родившаяся в середине XX века, не могла не впитать в себя эту новую тенденцию. Разумеется, пока еще развитие культурологии не продвинулось столь далеко, чтобы она стала культурной футурологией. Но дело идет именно к этому. Следует ожидать, что сравнительно скоро обществом будет востребована культурологическая экспертиза планов социального развития стран и регионов, проектов в различных областях деятельности. Слишком часто мы обжигались на том, что не могли грамотно предвидеть культурных последствий наших действий, не могли просчитать социальной цены тех или иных намерений. Теперь культурология внедряется в число прогностических наук. Это не значит, что она совсем уйдет от изучения культуры прошлого. Но с каждым новым поколением специалистов культурология во все большей мере начнет превращаться в науку о культуре будущего.

2. Уровни научного обобщения в культурологическом знании

Присутствие культурологии в системе научного знания обнаруживается в двух проявлениях. Во-первых, как специфический культурологический метод и уровень обобщения любого анализируемого материала в рамках любых наук социального и гуманитарного профиля. Во-вторых, как самостоятельная область социального и гуманитарного научного

познания культуры «в узком смысле», основное проблемное поле исследований которой было обрисовано выше.

Начнем с первого определения. Любая предметная или аспектная наука или группа наук (в частности, из перечня, приведенного в *табл. 1*) включает некоторое число более или менее самостоятельных внутринаучных дисциплин (или субдисциплин), которые можно разделить на три уровня углубления в изучаемый предмет и обобщения полученных о нем знаний. На высшем уровне, который традиционно называют «философией области познания или сферы деятельности» (философией истории, философией экономики, философией политики, философией образования, философией искусства, социальной философией и т. п.), как правило, решаются познавательные и рефлексивные задачи наиболее общего осмысления предмета познания или деятельности, формулирования его сути (онтологии, смысла), места в системе мироздания и основных ценностных (для человека) параметров. Напротив, самый нижний уровень познания какой-либо области человеческой практики – эмпирический – обращен к выявлению, описанию, атрибуции и технико-технологическому определению непосредственных функций, причин и значений того или иного явления (объекта), исследуемого в конкретно-исторической уникальности тех обстоятельств места и времени и иных условий, в которых исследуемый объект «застигнут» и описывается. Между этими двумя уровнями изучения – метафизической

философской онтологизацией классов (категорий) явлений и эмпирическим описанием во всей их конкретно-исторической неповторимости – выделяются теории среднего уровня, в рамках которых анализируются устойчиво повторяющиеся и, как правило, упорядоченные последовательности явлений человеческого бытия, имеющие более или менее системный характер.

Это и есть культурологический профиль исследований и обобщений, относящийся к зоне «теорий среднего уровня», занимающих промежуток между метафизикой и непосредственной эмпирикой изучаемой стороны жизни. Такого рода зоны «теорий среднего уровня» существуют фактически в любых областях знаний о человеке и его деятельности: в исторических науках – это теории формаций и цивилизаций, в социальных науках – теории организаций и социальных институтов, в искусствознании – теории художественных стилей, в экономике – теории способов производства и т. п. На этом уровне создаются модельные концептуальные построения, описывающие не то, как данная область жизнедеятельности функционирует вообще (при любых обстоятельствах) и каковы границы условий ее существования, а то, какими способами она адаптируется к меняющимся условиям, как сама себя воспроизводит в упорядоченном состоянии и поддерживает приемлемый режим своего функционирования, какие системные построения в данной структуре возникают в тех или иных макроисторических условиях, ка-

ковы причины и механизмы, порождающие упорядоченный характер реакции данной структуры на новые условия и ее конструктивную активность применительно к меняющимся условиям и т. п.

Примеры подобного рода можно привести из области любых социальных и гуманитарных наук: экономической, политической, филологической, искусствоведческой и др. В рамках каждой из них можно выделить некое поле исследований, касающихся работы экстраутилитарных, ценностно-нормативных механизмов организации, регуляции и коммуникации людей в соответствующих областях жизнедеятельности, а также способов их межпоколенного воспроизводства, которые даже на уровне обыденного сознания принято называть экономической культурой, политической культурой, языковой культурой и пр. Этот особый ракурс научного обобщения с полным основанием может быть назван культурологическим, ибо он обращен к специфическому предмету – социальной регуляции всякой деятельности, занимающему промежуточное положение между собственно технологическими проблемами данного вида деятельности и ее философской онтологией, рассматривающей наиболее общие и, как правило, исторически неизменные закономерности функционирования соответствующих видов.

В принципе речь идет о том, что в любой области познания видов и форм человеческой жизнедеятельности помимо уровня философских обобщений, касающегося вопро-

сов сущности и базовых закономерностей, определяющих тот или иной вид деятельности и ее результаты (продукты), и уровня предметных обобщений, связанного с вопросами непосредственных технологий, организации и обеспечения деятельности, можно выделить и специфический уровень социокультурных обобщений. Последний исследует историю данного вида деятельности (ее генетический аспект), психологию (мотивационный аспект), социологию (организационно-функциональный аспект) и культуру данного вида деятельности (ценностно-нормативный и семантико-коммуникативный аспекты). Эти четыре ракурса исследований и обобщений лишь опосредованно связаны с предметом самой деятельности, но акцентированы на проблеме субъекта этой деятельности, ее исполнителя, на мотивации, организации и экстраутилитарной регуляции его участия в процессе (см. табл. 2).

Таблица 2. Уровни научного обобщения в познании видов человеческой деятельности

Уровни обобщений и предметное содержание обобщений знаний	Внеисторический аспект	Исторический аспект
1. Уровень философско-теоретических обобщений		
Философия вида деятельности	Сущность вида деятельности и его познаваемость	
Теория вида деятельности	Структура, динамика и социальные функции вида деятельности в их исторической эволюции	
	Методология изучения вида деятельности	Становление и историческая эволюция теоретических воззрений на виды деятельности

Уровни обобщений и предметное содержание обобщений знаний	Внеисторический аспект	Исторический аспект
2. Уровень социально-культурных обобщений		
Психология вида деятельности	Психологические основания деятельности	
Социология вида деятельности	Функциональная организация субъектов деятельности	
Культурология вида деятельности	Ценностно-нормативная и семантико-коммуникативная регуляция вида деятельности	
3. Уровень предметных обобщений		
Технология вида деятельности	Становление и историческая эволюция практических способов (форм) осуществления данной деятельности	
Организация вида деятельности	Становление и историческая эволюция структурно-организационных форм осуществления данной деятельности	
Обеспечение вида деятельности	Становление и историческая эволюция подготовки кадров для данного вида деятельности, ее ресурсного, энергетического и инструментального обеспечения	

Таким образом, в любой области социального и гуманитарного знания может иметь место культурологический подход к определенным социально-нормативным функциям изучаемой сферы жизнедеятельности, к процессам формирования специализированных «профессиональных культур» и специфической символики «языка форм» этого вида деятельности, выраженной в таких направлениях исследований, как культурология экономики, культурология полити-

ки, культурология религии, культурология искусства и т. п.

Самостоятельная область знания – собственно культурология. Это отдельная группа наук, изучающая тот же самый комплекс ценностно-нормативных и семантико-коммуникативных механизмов социальной организации, регуляции и информационной деятельности людей, но уже не в ракурсе выявления их роли в осуществлении той или иной специализированной деятельности, а с целями определения наиболее фундаментальных характеристик и закономерностей становления и функционирования этого комплекса во всей социальной практике человека. Этот комплекс изучается в качестве некой целостности, как одна из важнейших подсистем мотивации и регуляции поведения людей и рефлексии ими мотивов и форм собственного поведения (как в профессиональной, так и в обыденной сферах жизни), а также как система институциональных органов («культурных институтов»), занимающихся производством, хранением и внедрением необходимых для такой деятельности «культурных текстов», с помощью которых осуществляются социализация и инкультурация человеческой личности и практическая регуляция ее социальной активности.

Цели и задачи культурологии как специальной области знания, очевидно, следует определять посредством моделирования самой структуры культурологической науки.

В культурологии (как, впрочем, и в большинстве других наук) принято выделять два «крыла»: фундаменталь-

ное и прикладное. При этом цель фундаментальной культурологии – изучение культурных процессов и явлений, возникающих и функционирующих по преимуществу стихийно, на основании общих закономерностей протекания социокультурной жизни людей. Прикладная же культурология изучает, планирует и разрабатывает методику целенаправленного прогнозирования и управления социокультурными процессами в рамках государственной социальной и культурной политики, осуществляемой специализированными культурными институтами и общественными организациями.

3. Фундаментальная культурология

Реально в практике фундаментальной культурологии с большей или меньшей очевидностью формируются три основных направления исследований (выделяемых по объектной сфере):

– *социальная культурология*, акцентирующая внимание на социокультурных процессах и явлениях, порождаемых людьми в ходе их совместной жизнедеятельности и «объективирующая» человека в формах его социальной практики (то есть абстрагирующаяся от его личностных, индивидуализирующих черт как творца и потребителя культурных реалий и рассматривающая его как условного функционального субъекта культурных процессов);

– *психология культуры*, сосредоточенная, напротив, на вопросах «субъективации» культурной личности, проявляющейся в ее творческом, интерпретативном подходе к культурным нормам, образцам и стереотипам, заданным «социальными конвенциями» общества; психологической мотивации лояльности и нелояльности индивида по отношению к общепринятым образцам поведения и суждений и иных выражениях как «окультуренности» личности, так и ее неустранимого индивидуализма в вопросах «исполнения» культурных норм, проблемах социального воспроизводства общества посредством культурного воспроизводства его субъектов (инкультурированных личностей);

– *культурная семантика*, изучающая культурные феномены прежде всего как средство коммуникации между обществом и личностью, между индивидами внутри сообщества, между различными сообществами как культурными целостностями, как систему информационных носителей, с помощью которых кодируется, хранится и транслируется социально значимая информация (культура, социальный опыт), выраженная на том или ином вербальном или невербальном языке, в символических чертах технологий и продуктов (результатов) всякой человеческой деятельности и т. п. (см. табл. 3).

Несмотря на кажущееся существенное различие объектов исследования (культура общества, культурные черты личности и языки коммуникации между обществами и личностями),

ми), подлинный предмет исследования во всех перечисленных направлениях культурологии остается единым: социально-интегрирующие, ценностно-нормативные, регулятивно-коммуникативные и социально-воспроизводящие механизмы организации жизнедеятельности людей. Более того, на самом деле речь идет о единственном механизме – культуре, исполняющей все эти многообразные социальные функции.

Хочу обратить внимание на то, что в предлагаемой структуре культурологического знания не выделяется история культуры или историческая культурология как самостоятельное направление исследований культуры. Это не значит, что данному направлению мною не придается должного значения. Скорее напротив. Я полагаю, что все рассматриваемые здесь направления культурологии так или иначе интегрируют в себе теоретическое и историческое начала. Может быть, в этом и заключена некая имманентная специфика собственно культурологического подхода, отличающая этот ракурс от всех прочих. Этот подход не может быть совершенно теоретическим, абстрагированным от исторической конкретики бытия человеческого общества и культурного многообразия таких локальных сообществ, иначе он превращается в чистую схоластику. Но он не может быть и исключительно историко-фактологическим, «свободным» от теоретического обобщения исследуемого материала, его типологизации, поисков неких культурных универсалий, объединя-

ющих историческое многообразие культур в культуру как категорию.

Таким образом, в каждом из рассматриваемых здесь направлений культурологии естественным образом присутствуют и теория культуры, и историческая культурология – научный подход с позиций изучения исторической динамики исследуемых явлений и процессов. Вопрос лишь в том, до какой степени именно на этой динамике делается исследовательский акцент. Когда такой акцент преобладает, мы можем назвать это сочинение историко-культурологическим вне зависимости от того, написано ли оно в жанре социальной или психологической культурологии или же культурной семантики.

Вместе с тем, чисто организационное (объектное) выделение исторической культурологии в одну из культурологических специальностей представляется оправданным. В рамках такой специальности могут концентрироваться работы, делающие акцент на исторической динамике существования культуры и на исследовании культуры в ее эмпирических проявлениях. Хотя, еще раз подчеркиваю, любое исследование, не затрагивающее проблемы генезиса и исторической динамики анализируемого объекта, по большому счету не является полноценно культурологическим. Вопрос лишь в акцентировке.

Вышеперечисленные направления фундаментальной культурологии могут быть иерархизированы по следующим

четырем уровням выделения исследовательских объектов и научного обобщения полученных результатов:

- уровень изучения наиболее общих закономерностей протекания культурных процессов;
- уровень изучения культурных явлений и процессов, имеющих системный характер;
- уровень изучения не системных, но устойчиво повторяющихся явлений и процессов;
- уровень изучения единичных (уникальных) явлений и событий.

Таблица 3. Уровни научного обобщения и структура фундаментального культурологического знания

Уровни	Социальная культурология	Психология культуры	Культурная семантика
1. Обобщения на уровне общих закономерностей	Теория исторической и социальной динамики культуры	Социокультурная теория групп и личности	Семантическая теория культуры
2. Обобщения на уровне системных явлений культуры	Культурология системных объектов (социальных, этнических, политических и других конфигураций; образов жизни, картин мира и пр.)	Психология группового взаимодействия и социального воспроизводства личности (социализация и инкультурация)	Культурология семантических систем межличностного и массового обмена; социально идентифицирующих и кумулятивных систем
3. Обобщения на уровне устойчиво повторяющихся явлений	Культурология упорядоченных последовательностей и культурных форм	Культурология ментальностей	Культурология семантических форм
4. Обобщения на уровне единичных явлений	Культурология артефактов (объектов)	Культурология творчества	Культурология индивидуализирующих культурных черт

Социальная культурология

Высший уровень исследований и научных обобщений в области социальной культурологии – это обобщения в масштабе общих закономерностей, детерминирующих культур-

ные явления и процессы в целом как особые категории коллективного человеческого существования. Это уровень общей теории культуры, разумеется, не исчерпывающийся только областью ее социальных проблем, но в существенной мере основанной на процессе коллективной жизнедеятельности людей как главном, порождающем культуру факторе.

К числу основных проблем общей теории культуры могут быть отнесены такие, как формирование категориального и понятийно-терминологического аппарата культурологии, методологий и методов ее исследования, разработка общих объяснительных концепций морфологии (структуры) культуры как системы (или совокупности систем) и ее типологии (многообразия форм и их распределения в пространстве и времени), социальной стратификации и этнической дифференциации культуры, социальной и исторической динамики культуры (теории культурных процессов), систематизация функций культуры по отношению к человеку и обществу, исследование закономерностей соотнесенности социального и индивидуального в культуре, мотивации творчества и порождения культурных инноваций, исследование проблем пространства и времени в культуре, жизни культурных явлений и т. п.

Основная задача этого уровня обобщения знаний о культуре – создание системы способов и инструментария для исследования культуры. Теория культуры не столько стремится объяснить, что такое культура (это такое же неисчерпае-

мое понятие, как и жизнь, и ученые не тешат себя надеждой прийти к окончательному определению и того, и другого), сколько выяснить, каким способом можно познать культуру, как тем или иным образом можно систематизировать знания о ней, построить теоретические модели, иллюстрирующие те или иные культурные функции и процессы, и, наконец, каким образом можно применить это знание к задачам управления социальными процессами.

Второй уровень – обобщение явлений системного порядка. Известно, что значительная часть культурных феноменов существует не автономно, а объединяется в функциональные структуры системного характера. Эти совокупности организационно-регулятивно-селективно-коммуникативных составляющих человеческой жизни работают как системные целостности, функциональные механизмы по «отлаживанию» коллективного существования и взаимодействия людей, по нормированию и стандартизации некоторых социально значимых аспектов их сознания и поведения, обмену информацией, прогнозированию действий друг друга, по взаимообучению и корректированию, межпоколенной трансляции накопленного социального опыта и т. п. Компоненты подобных культурных систем тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и социально эффективны в своих функциях только тогда, когда работают «в сборке».

Классические примеры подобных систем:

– *язык*, по-настоящему функциональный только в систем-

ном единстве своих лексических, грамматических, фонетических, графических, артикуляционных, интонационных и прочих составляющих;

– *мораль*, действующая как системная совокупность нравственных императивов – разрешений и запретов, взаимодополняющих, уточняющих, отчасти даже дублирующих друг друга и к тому же структурно и функционально иерархизированных, что и положено всякой системной организации;

– *этничность* – весьма иерархизированная система реальных и мифических образов и маркеров – поведенческих и символических стереотипов национальной идентичности, языковой, культурной и социально-политической консолидации людей, чувства психологического комфорта от процессов, поддерживающих и повышающих уровень этнической солидарности, защищенности, мобилизованности членов сообщества и т. п.;

– *социальная престижность* – также высокоиерархизированный системный комплекс материальных (в имущественном и денежном выражении), служебных (чин, должность), ролевых (авторитет, влияние, конъюнктурные связи), социально-статусных (происхождение, образование, вхождение в «элитные круги»), поведенческих (этикет, церемониал), языковых (профессиональный жаргон), внешне маркирующих (одежда, украшения, регалии) и иных параметров, демонстрирующих социально-ролевой статус личности. Культурологические исследования этого уровня с извест-

ной долей условности можно назвать культурологией системных объектов. Поскольку типология подобных объектов весьма обширна, целесообразно выделить несколько частных направлений, каждое из которых по предметно-объектным признакам может претендовать на статус самостоятельной науки культурологического цикла. Таковы, например:

- социокulturология, занимающаяся культурными системами, формирующимися в процессе межгрупповой дифференциации социальных функций и общей социальной стратификации общества – специфической культурой классов, сословий, социально-профессиональных констелляций, ячеек социальных сетей, политических и конфессиональных структур и пр.;

- этнокультурология, исследующая культурные системы (конфигурации), складывающиеся по этнотерриториальному, этнополитическому, этносоциальному и этноконфессиональному признакам, доклассовые этноплеменные и позднейшие этнические и субэтнические культуры как системно-иерархические нормативные комплексы, основанные преимущественно на внеинституциональных (традиционных) и мемориальных механизмах поддержания и трансляции регулятивных установок социального бытия, а также национальные культуры, складывающиеся по политическому признаку и базирующиеся преимущественно на прогностических основаниях социальной консолидации («национальных проектах»);

– историческая культурология, изучающая и моделирующая различные исторические варианты социокультурных систем сообществ, находящихся на разных ступенях общей эволюции, воплощающих разные стадиальные типы, уровни сложности и различные принципы социальной организации и регуляции коллективной жизни людей, разные варианты и результаты работы адаптационных механизмов, коммуникативных каналов, моделей социокультурной модернизации и пр.; в число объектов исторической культурологии по необходимости могут включаться и современные культурные явления и события, как уже состоявшиеся или уже происшедшие, хотя и совсем недавно. Разумеется, этот перечень охватывает лишь те научные направления, которые обращены к наиболее значимым типам системных объектов культуры, и не исчерпывает всю реальную типологию подобных объектов.

Третий уровень связан с научными исследованиями и обобщениями феноменов, хотя и не обладающих выраженными признаками системного характера, но отличающихся, как правило, устойчивой повторяемостью в употреблении и более или менее явной упорядоченностью способа практического использования в тех или иных ситуациях. К феноменам такого рода можно отнести: нормы и стереотипы сознания и поведения в различных жизненных сферах (традиция приветствовать друг друга при встрече и прощаться при расставании), эталонные образцы, вариативно воспроиз-

водимые в различных конкретных ситуациях (стилевые признаки искусства); паттерны сознания, обычно воспроизводимые автоматически (например, повышенная этикетность поведения по отношению к человеку с более высоким статусом); различного рода ритуальные и церемониальные формы поведения, проявляющиеся независимо от их практической актуальности (многие религиозные по происхождению элементы социальных обрядов, исполняемые неверующими людьми), и другие явления подобного рода, которые обобщенно можно определить как культурные формы. В отличие от артефактов культуры, представляющих собой частные случаи реализации этих форм, варьирующие и интерпретирующие их в зависимости от конкретных обстоятельств места и времени, сами формы являются именно базовыми протообразцами, воспроизводимыми (или, по крайней мере, разрешенными к использованию) в данной культурной системе или конфигурации.

Этот уровень исследований и обобщений можно было бы назвать культурологией упорядоченных последовательностей и культурных форм.

Основания для выделения этого уровня в самостоятельное предметное поле исследований видятся в том, что именно культурная форма (норма, паттерн, стереотип, образец, ментальная структура и т. п.) служит основной, базовой, «атомарной» единицей культуры. Она отличается, как правило, формальной (по совокупности наблюдаемых

признаков) и функциональной автономностью, дискретностью и самодостаточностью, устойчивостью в использовании, синхронной и диахронной транслируемостью, тиражируемостью, выраженной функциональной обусловленностью генезиса и высокой полисемантической. Некоторые культурные формы отмечены в столь повсеместном употреблении, что за ними закрепился статус культурных универсалий.

Культурные комплексы (конфигурации) более высокого ранга – системного и мозаичного характера – являются уже «сборками» из различных культурных форм, а культурные артефакты – частными случаями их употребления (порой в неполном или невыраженном виде).

Вместе с тем многие культурные формы воплощаются не только в чертах отдельных продуктов деятельности людей (вещей, понятий, произведений, образов, социальных структур и т. п.), но и в определенных свойствах процессов этой деятельности, регулируемых такими же нормативными установлениями, например, в обрядах и ритуалах. Традиционный свадебный или похоронный обряд – сам по себе уже культурная форма (разумеется, речь идет именно о базовой форме подобного обряда, а не о конкретном случае его реализации некими людьми в некоей ситуации с возможными отклонениями от канонического образца). То есть культурная форма – не только продукт (результат) какого-либо действия, имеющий канонически, традиционно, законо-

дательно, статусно, обыденно или иным образом заданные параметры (черты, свойства), но в той же мере и технология (способ) получения требуемого результата. Причем каноничность самой технологии нередко (особенно в традиционных обществах) оказывается более значимой, нежели черты полученного результата.

Важнейшее свойство культурных форм – определенная упорядоченность их применения по отношению друг к другу в той или иной культурной системе (разные уровни совместимости, взаимодополняемости, взаимозаменяемости, взаимопоглощаемости и т. п.) и более или менее устойчивое воспроизводство этих форм в многообразии их артефактов. Форма, утратившая свою социальную актуальность и переставшая воспроизводиться в новых артефактах, либо совсем отмирает в памяти людей, либо сохраняется в качестве исторического памятника, то есть чисто мемориального образца, не реализующего свою первоначальную социальную (или по крайней мере семантическую) функцию, но свидетельствующего о культуре минувших эпох.

Культурная форма среди прочих своих свойств, как правило, включает в себе и некоторый порядок (правила) ее практического употребления (использования). Именно поэтому культурные формы могут быть охарактеризованы как более или менее упорядоченные феномены культуры (хотя далеко не всегда системные; этот параметр относится уже к иному пласту измерений культуры). Если прове-

сти параллель с лингвистикой, то культурные формы могут быть обозначены как «фразеологический запас языка культуры» (в вербальном языке, как одной из важнейших подсистем культуры, фразы – высказывания законченной мысли – являются основными культурными формами данной подсистемы).

Наконец, четвертый уровень исследований и обобщений относится к единично наблюдаемым явлениям, то есть культурологии артефактов. Под «единичностью» в данном случае понимается то, что каждый артефакт, воспроизводя ту или иную, даже весьма типичную и распространенную, культурную форму, под воздействием специфических условий места и времени, индивидуальных личностных характеристик и вкусовых пристрастий людей, а также массы иных общих и частных, закономерных и случайных обстоятельств практически никогда не бывает абсолютно тождествен исходной форме, а является лишь ее адаптивным вариантом с теми или иными уникальными отличительными особенностями. Разумеется, такого рода особенности обычно отсутствуют при механическом тиражировании той или иной формы. В этом случае весь «тираж» может рассматриваться как единый артефакт данной формы.

Несколько более сложной представляется задача разведения понятий «культурная форма» и «артефакт» в науке, философии, искусстве, где создаваемые авторами формы (тексты) предназначены для индивидуального воспри-

ятия, а не вариативного воспроизводства иными людьми. Такой тип культурной формы называется произведением, единственным в своем роде, а статус артефакта подобной формы, видимо, относится к частным случаям потребления этих форм, т. е. индивидуальной интерпретации этого произведения его потребителем. Например, два человека, читающие одну и ту же книгу, по-разному понимают и интерпретируют прочитанное, главным образом по причине различий в индивидуальном социальном и культурном опыте. Эти индивидуальные варианты восприятия произведения и есть артефакты данной культурной формы. Помимо того, к уровню артефакта можно отнести цитирование, заимствование сюжетных ходов, идей или образных характеристик и иные случаи частичного использования элементов «чужой» культурной формы.

Основной критерий различия видится в том, что всякая культурная форма генетически новационна: она создается для нового решения новой конкретной функциональной задачи (прежними решениями служат уже существующие формы). А артефакты – это уже продукты более или менее массового использования данного «решения» как исходного образца, варьируемого применительно к условиям употребления, и ничего принципиально новационного (по сравнению с исходной формой) в артефактах, как правило, не содержится (уникальность индивидуальной интерпретации во все не обязательно является новационной).

В конечном счете все то, что мы обычно понимаем под историей культуры в ее эмпирическом аспекте, есть более или менее систематизированное описание тысяч и миллионов артефактов, вариативно воплощающих сравнительно ограниченное число базовых культурных форм, объединенных в большинстве своем в еще более ограниченное число культурных систем и конфигураций. Таким образом, культурология артефакта как научное направление и есть история культуры в ее наиболее традиционном (фактографическом) понимании.

Психология культуры

Следующая составляющая фундаментальной культурологии – психология культуры. Она изучает проблемы личности как создателя и потребителя культуры, механизмы социализации и инкультурации личности, генезис человеческой индивидуальности в культурном пространстве.

Очевидно, что, хотя культура является продуктом конвенциональным, порождаемым, интегрируемым в общественную жизнь и используемым практически на основе добровольного согласия людей думать и поступать именно таким образом, а не каким-то иным, реальный создатель всякой культурной формы и артефакта, – как правило, конкретный человек. И исполнители всех многообразных культурных установлений, норм, обычаев – отдельные люди. Поэто-

му рассмотрение культуры только в ее коллективном, «объективированном» аспекте не может быть достаточно полным без введения в аналитическое поле исследований проблемы «культуры личности». В принципе структуру психолого-культурологического знания можно выстроить также по вышеописанным ступеням – уровням обобщения, аналогично структуре социальной культурологии.

Первым (высшим) уровнем обобщений наиболее характерных закономерностей психологии культуры должна стать общая социокультурная теория групп и личности, изучающая индивидуальную организацию структуры социального опыта и связанное с этим групповое взаимодействие. Это уровень изучения человека как исполнителя и интерпретатора культурных установлений общества, в котором он живет и которое формирует и корректирует основные параметры его сознания, поведения и деятельности; уровень анализа основных механизмов регулятивного управления социокультурной детерминацией поведения личности, а также причин, ведущих к нарушениям этого управления и вызывающих отклонения от общекультурных и социальных форм в поведении человека.

В рамках общей социокультурной теории личности разрабатываются и основные методологические установки исследований в области психологии культуры.

Второй уровень обобщений явлений системного порядка, по всей видимости, может быть назван психологией групп-

пового взаимодействия и социального воспроизводства личности. Он акцентирован на теории и методике социокультурного воспитания личности, поскольку наиболее системным во всем процессе социокультурного бытия человека представляется именно функционирование механизмов интеграции индивида в комплекс норм и установлений, свойственных культуре межличностных взаимодействий, принятых в данном обществе. Здесь можно выделить три самостоятельные подсистемы.

Во-первых, механизмы социализации личности, то есть введения ее в общие знания об окружающем мире и вовлечения в различные виды социальной практики. В процессе общей социализации человек усваивает совокупный исторический опыт социального общежития и взаимодействия, накопленный данным сообществом и частично заимствованный у других сообществ. Хотя большинство механизмов социализации личности функционирует сравнительно автономно друг от друга, совокупный результат их воздействия в виде параметров социализированности индивида (уровня его органичной включенности в многообразные социальные взаимосвязи и ролевые функции) получается высокосистемным, составляющие элементы его теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодетерминированы, тем или иным образом иерархизированы и т. п. Изучение механизмов социализации личности имеет также важное прикладное значение прежде всего для системы образования, законотворчества,

правоохранной практики и пр.

Во-вторых, механизмы инкультурации личности, то есть введения ее в систему нормативно-ценностных регуляторов социальной практики, в иерархию этих ценностей, семантическую систему их символизации, нормы их употребления, использования, понимания, в границы интерпретирования и т. п. Как и в случае с социализацией личности, процесс инкультурации представляет собой такое же освоение исторического опыта социального взаимодействия между людьми, но преломленного сквозь призму смыслов, значений и всей ценностной иерархии элементов этого опыта. При этом главное – внесение человеком своих индивидуализирующих коррективов в усвоенные системы знаний, умений и навыков общей социализации и инкультурации, формирование (как правило, латентное) своей личностной микросистемы социокультурных свойств, отличающей именно данного индивида и выражающейся в неповторимом индивидуальном стиле жизнедеятельности и характерном «почерке» его личной культуры. И точно так же сравнительно автономное функционирование различных механизмов инкультурации в результате формирует высокосистематизированный комплекс ценностных ориентаций индивида, иерархизированную систему нравственных императивов и запретов, этических и эстетических предпочтений и т. п. С прикладной точки зрения процессы инкультурации создают комплекс культурной компетентности индивида в обществе про-

живания.

В-третьих, механизмы социокультурной самоидентификации личности, т. е. самоопределения человека в социокультурном пространстве его проживания, установления им своей политической, этнической, социальной и конфессиональной идентичности и т. п.

Процессы социокультурной самоидентификации личности начинаются в раннем детстве (первоначально по отношению к семье, позднее по отношению ко все более расширяющемуся полю социального окружения) и продолжают на протяжении всей жизни, в каких-то элементах расширяясь, в иных случаях изменяясь, порой в чем-то утрачивая свою актуальность и т. д., постоянно корректируя и объективирующие, и индивидуализирующие социокультурные параметры личности как в восприятии ее окружением, так и в ее собственном самоощущении и соотнесении себя с другими людьми. Разумеется, важнейшая составляющая такого рода самоидентификации (помимо понимания того, что есть собственное Я) – достижение комфортного для данного индивида вхождения в эту среду, чувства солидарности с ней, ощущения своей защищенности в этом сообществе, в наибольшей мере формируемые процессами общей социализации и инкультурации личности.

Следует отметить, что события второго уровня, относящиеся к социокультурному воспитанию личности, осуществляются в процессе социального взаимодействия. По-

этому одним из важнейших направлений исследований в этой области являются вопросы технологии социальных взаимодействий, включающие коммуникативный (обмен информацией), интерактивный (взаимодействие) и перцептивный (восприятие друг друга) аспекты.

Мне представляется, что именно на этом уровне выработки стандартных психологических компонентов и сознания личности, становления ее общей социальной адекватности и культурной компетентности, комплекса социальных притязаний, разделения ролей и функций, общей социальной конкурентоспособности и других признаков «легитимного участника существующего общественного порядка» заметно возрастает роль вышеупомянутой проблемы личностного переживания индивидом его собственного места в обществе и истории, социального статуса, степени комплементарности (и в том числе эмоциональной) отношения к нему окружающих людей, его «совестливой» оценки собственных действий и т. п. Именно на этом уровне возникают разнообразные напряжения и конфликты межличностного характера, а также состояния культурно обусловленной психологической фрустрации индивида.

Я полагаю, что у этой проблемы есть несколько независимых причин. Во-первых, тысячелетиями вырабатывавшаяся привычка людей к солидарности на конфронтационных основаниях, уходящая корнями в архаическое противостояние «мы» – «они». Все существующие религии и нацио-

нальные идеологии ныне манифестируют свою терпимость к другим религиям и национальным идентичностям, однако исторический опыт не дает оснований доверять этим манифестациям. Сформированное на принципах собственного культуроцентризма сознание требует негативного отношения к «культуре другого». Отсутствие инвектив в адрес иной культуры может быть истолковано как недостаточная лояльность к собственной. Социальные отношения становятся двухполюсными: любовь к «своему» обязательно должна сопрягаться с неприязнью к «чужому».

Но есть и другая причина фрустрации, уже личностного порядка. В процессе своей социализации и инкультурации человек учится не только соблюдать доминирующие в обществе порядки, но и индивидуально интерпретировать их, критиковать, предлагать альтернативные варианты, наконец, просто адаптироваться к не предусмотренным данным порядком обстоятельствам и пр. Эти случаи нестандартного социокультурного поведения индивида можно дифференцировать на адаптивные, творческие, девиантные по медицинским причинам, протестные (криминальные) и экстравагантные формы привлечения внимания к себе (разумеется, приводимый перечень далек от полноты). Тем не менее, за каждым таким случаем стоит феномен личностного переживания каких-то событий, то есть их внутреннего (сознательного) упорядочивания не по общепринятым меркам, что провоцирует состояние внутреннего психического дис-

комфорта у данной личности. Выходом из подобной фрустрации с равной степенью вероятности могут стать выдающийся творческий акт или криминальное действие. Хочу подчеркнуть, что я принципиально не касаюсь случаев медицинской патологии, хотя и с ними ситуация крайне сложна. Речь идет только о культурно-девиантном поведении, в основании которого лежит несоответствие (или неполное соответствие) общепринятых норм и способов упорядочения мира (вещей, идей, социальных отношений и т. п.) и индивидуальных принципов и критериев такого упорядочения, свойственных данной личности, что выливается в действие таких феноменов (абсолютно культурных по своему характеру), как нравственное переживание, сочувствие и др.

Наконец, третья причина фрустрации: человек нуждается в любви. Существует характерное позитивистское объяснение феномена половой любви, апеллирующее к такому ее биологическому основанию, как нарушение адреналинового баланса в крови, благодаря чему оказавшийся в этом состоянии человек испытывает определенный психологический дискомфорт и начинает подсознательно искать в своем окружении напарника (напарницу), страдающих от того же. Их альянс (как сексуальный, так и эмоциональный) подавляет этот дискомфорт². Остается не очень понятным, почему люди продолжают любить друг друга и при уже подав-

² Полушутливая версия о «происхождении любви» Э. А. Орловой, изложенная в личной беседе с автором.

ленном дискомфорте. Не отрицая несомненную биологическую подоснову любви, я полагаю все же, что этот феномен является в существенной мере культурным. В нем проявляется, может быть, одна из самых выраженных потребностей человека в Другом как эмоциональном отражении собственной индивидуальности и личной свободы, а также потребность в максимально четком разделении приватной и общественной сторон жизни. Человек ищет подтверждения тому, что «я хороший», и находит это подтверждение в том, что «меня любят». Любовь – это высшая форма социального одобрения, наряду со славой. Наверное, поэтому человек так стремится и к тому, и другому. Именно поэтому между любовью половой, дружеской и родственной так много сходства. Впрочем, по мнению многих мыслителей, любовь – это та же дружба, но сопровождаемая сексуальными отношениями. Я бы оставил этот вопрос на рассмотрение философов.

Так или иначе, но культура любви (типология допустимых, приветствуемых и запрещенных сексуальных и эмоциональных отношений) является одной из наиболее выразительных характеристик любой локальной культуры, уровня ее антропоцентричности, мифологичности, общей типологии социальных отношений и взаимодействий, развитости в ней художественного начала, но главное – вопроса о человеческой личности и ее свободе. Потому что любовь – это одно из важнейших проявлений личной свободы, кото-

рую не могли взять под контроль никакие социальные системы.

Третий уровень обобщений психологии культуры связан с изучением формирования комплексов устойчивых социокультурных стереотипов, норм, паттернов, ментальностей в сознании и поведении индивидов. Его можно назвать культурологией ментальностей.

При этом имеется в виду совокупность определенных социокультурных установок сознания и навыков поведения, усвоенных в процессе социализации и инкультурации индивида до автоматизма и «срабатывающих» в различных жизненных ситуациях почти механически. Чем выше уровень социализированности и инкультурированности человека в социальной среде, тем большей «номенклатурой» подобных норм и стереотипов владеет индивид и тем свободнее и вариативнее он всем этим пользуется. В конечном счете, эта «номенклатура» ментальностей и составляет ядро латентной культуры всякой личности, а то, что принято называть «культурным поведением» человека, заключается в основном в правильном, близком к социальному эталону использовании компонентов этой «номенклатуры».

Упоминание ментальности неизбежно влечет за собой определение понятия «повседневность» как особой категории социальной жизни людей. Не претендуя на исчерпывающее объяснение этого феномена, я полагаю, что наряду с так называемым макросоциальным разделением тру-

да, социальных ролей и функций в общественном производстве происходит аналогичный процесс и на микросоциальном уровне приватной, семейной, территориально-соседской жизни индивида. Повседневное бытие предполагает исполнение личностью определенных социальных ролей по отношению к людям, с которыми она не находится в служебных отношениях, хотя сам характер этих ролей и функций принципиально не отличается от официальных, только зиждится на иных основаниях: личной симпатии и антипатии, то есть все на том же феномене личного переживания, о котором шла речь выше.

Кроме того, повседневность, как правило, неотрывна от тривиальности, обыденности, совершения действий в «штатной» ситуации, обычно преобладающей в бытовых отношениях. Служебная деятельность в большей мере связана с инновационной активностью личности, с поиском, импровизацией. Точно так же и ментальность – это стереотип сознания, который «срабатывает» только в «штатных» (то есть «культурно предусмотренных») ситуациях.

Так же как и в социальной культуре общества, где культурные формы играют роль «кирпичиков», заключающих в себе основное функциональное и семантическое содержание культуры, из которых складываются «постройки» культурных систем, и в культуре личности ее ментальности (а по существу все те же культурные нормы, формы, паттерны, только усвоенные до автоматизма воспроизводства и ре-

ализуемые в индивидуально-вариативном виде, чаще всего в повседневной ситуации) являются такими же «кирпичиками», из которых складывается личностная социокультурная система каждого индивида в его обыденном социальном поведении, а, в конечном счете, — тот комплекс заметных внешнему наблюдателю черт, который принято называть специфическими нравами и обычаями данного народа (в противоположность его «высокой» художественной, религиозной или политической культуре).

Разумеется, ментальные проявления личности не исчерпываются одним повседневным уровнем их демонстрации; они играют заметную роль и в общественной (официальной) жизни индивида. Вспомним классические примеры вежливой британской ментальности, где принято автоматически говорить «спасибо, сэр!», даже получив пощечину; прагматичной американской («если ты такой умный, то почему такой бедный?»); или специфической русской ментальности, где так и не произошло четкого разделения служебных и личных отношений при исполнении должностных обязанностей («ты мне друг или милиционер?»), что уже три века остается предметом издевательств отечественной литературы. Тем не менее, самым выразительным «полем» манифестации национальных ментальностей все-таки остается сфера приватной жизни людей. Четвертый уровень обобщений в психологии культуры может быть определен как культурология инновационной (творческой) деятельности людей.

Четвертый номер этого уровня вовсе не означает четверостепенности этого явления и этой научной проблемы. Напротив, способность человека к инновационной деятельности, к творческому преобразованию мира, выходу за рамки жестких нормативно-регулятивных стереотипов сознания и поведения (разумеется, в пределах социальной приемлемости параметров такого выхода) – наиважнейший феномен социокультурного развития человечества, поступательного эволюционного движения исторического процесса, развития всей системы знаний, технологий, интеллектуальных и духовных откровений и т. п. Выше, говоря о «врожденной потребности» личности выходить за рамки культурных норм и ограничений, я уже неоднократно останавливался на своей трактовке феномена творчества.

В рамках исследований психологии инновационной деятельности (коррелирующей с социологическими теориями внедрения инноваций и общей модернизации) можно выделить несколько ключевых проблем, нуждающихся во всестороннем изучении:

- механизмы индивидуального восприятия и интерпретации культурных явлений личностью (в первую очередь вопросы корреляции между типовой, культурно обусловленной интерпретацией и ее индивидуальной вариативностью);
- механизмы порождения новационных решений, детерминированных адаптационной необходимостью (под влиянием изменившихся условий природного или социального

окружения);

- механизмы новационных решений, детерминированных логикой рационализации технологий в каких-то сферах деятельности;

- механизмы новационных актов, детерминированных психологической потребностью индивида в самовыражении;

- психология интереса к познанию и открытию нового;

- психология интереса к распространению знания, истины и пр.

Исследования в области психологии творчества и восприятия искусства, ведущиеся преимущественно искусствоведами, эстетиками, педагогами и психологами и приносящие немало важных открытий, ограничены узкой методологической базой, почти не апеллирующей к культурно-антропологическим парадигмам познания (результат «ведомственной неприязни» искусствоведов к антропологии), чрезмерно привязаны к метафизическим категориям (типа «духовности» – популярной, но абсолютно не операциональной с точки зрения научного познания категории), что существенно понижает их научную эвристичность.

Психологию культуры можно представить как науку, исследующую культуру человеческой личности по четырем аспектам: общие закономерности формирования культурно обусловленных черт личности; механизмы систематического «обучения» индивида культуре и его самоидентификации в ней; механизмы «использования» индивидом обретенных

культурных знаний и навыков в режиме их простого воспроизводства; наконец, механизмы «преодоления» индивидом традиционных культурных ограничений и выхода на поисковую, инновационную, творческую парадигму сознания и деятельности.

Культурная семантика

Третьим основным направлением фундаментальной культурологии является культурная семантика – наука, изучающая знаковую и коммуникативную функции культуры.

Упомянутые социальные функции культуры (как коллективная, так и индивидуальная) отражают процессы, происходящие только в режиме постоянного общения между людьми внутри сообщества, между сообществами, их региональными группировками и т. п. Таким образом, любой культурный процесс, помимо организационной, регулятивной и селективной составляющих, непременно включает в себя еще и коммуникативную функцию системы механизмов обмена информацией между людьми, вне действия которой их совместная жизнедеятельность становится практически невозможной.

Основные социальные функции этого информационно-коммуникативного аспекта культуры заключаются, по видимому, в следующем:

– актуальное согласование людьми их целей, намерений,

планов и способов осуществления любых форм жизнедеятельности (особенно совместной деятельности);

- корректирующие информационные обмены в процессе уже осуществляемой деятельности;

- согласованная оценка результатов деятельности и степени их соответствия изначальным намерениям;

- обобщение результатов деятельности в той или иной сфере и согласование наиболее эффективных (утилитарно) и приемлемых (экстраутилитарно) приемов и способов ее осуществления (то есть выработки норм);

- трансляция этих норм в синхронном и диахронном планах (то есть передача опыта деятельности и взаимодействия как современникам, так и следующим поколениям);

- накопление, фиксация и трансляция знаний и представлений об окружающем мире и т. п. Для реализации этих информационных задач людям необходимо разработать единый язык, точнее, комплекс нескольких функционально специализированных языков, понятных и приемлемых для всех членов сообщества. При этом объекты наблюдаемого, реального мира предметов, процессов и явлений, а также мира представляемых явлений (не наблюдаемых эмпирически – фантазий, мечтаний, объектов религиозных верований и пр.) обретают своих символических «двойников» – кодирующие знаки, обозначающие эти объекты в условной форме лексических символов (слов вербального языка, произносимых или написанных), пиктограмм (рисунков, более

или менее узнаваемо изображающих объекты), графических символов (изображений, условно обозначающих смысл понятий – цифры, нотные знаки, эмблемы, гербы, флаги и пр.), вещественных символов (специфических черт в продуктах материальной деятельности, несущих смысловую нагрузку не только утилитарно-функционального, но и экстраутилитарного свойства – стилевые признаки вещей и сооружений, черты социальной престижности в одежде и предметах обихода, национально маркирующие черты в предметах материальной культуры, религиозная символика предметов культа, храмов и погребальных сооружений и пр.), символических действий (узнаваемо или условно имитирующих, обозначающих какие-либо явления, процессы или их смыслы – обряды, ритуалы, этикетное и церемониальное поведение, игры, репетиции и в определенном смысле все художественное творчество) и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.